

ПАВЕЛ ХОХЛОВ

Самый долгий рейс

16+

Павел Хохлов
Самый долгий рейс

«Автор»

2017

Хохлов П.

Самый долгий рейс / П. Хохлов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-97955-0

Рядовой полет космического пассажирского корабля из-за необъяснимого явления становится самым долгим рейсом, подвергая пассажиров и членов экипажа тяжелым испытаниям.

ISBN 978-5-532-97955-0

© Хохлов П., 2017

© Автор, 2017

Павел Хохлов

Самый долгий рейс

Часть 1

Темнота угнетала. Она была настолько густой, что казалось, он вдыхает ее вместе с воздухом, и она наполняет его изнутри. К ней нельзя было привыкнуть. Чувство тревоги возросло многократно. Оно полностью завладело командиром. Что происходит? В его голове пронеслись сотни аварийных ситуаций и тысячи всевозможных выходов из них. Он не мог понять, что конкретно произошло с кораблем. Не было ни малейшего источника света – ни один осветительный прибор не работал, иллюминаторы были наглухо задраены. Началось! Промелькнуло в голове, словно он ждал этого. Но мысли о пассажирах и команде возобладали над всеми его страхами и переживаниями. Профессиональное хладнокровие успокоило бешеный ритм сердца и, уже через секунду Рассел забыл о нем совсем. Сев в свое командирское кресло, он почувствовал себя немного увереннее.

– Связи нет, – сообщил Риццо, услышав, что командир вернулся. – Ни на одной частоте. Даже помех нет.

Второй пилот, ругаясь на родном языке, стал шарить руками по панели, в сотый раз, пытаясь вручную включить аварийный режим. У него вновь ничего не вышло. Тумблер аварийного режима бесполезно щелкал в темноте.

– Я предлагаю открыть панцирь. – Решился командир. – Нам необходим обзор.

Риццо молчал, напряженно думая. Стояла непривычная и пугающая тишина.

– Ты не чувствуешь вибрации? – Спросил командир. Ему было интересно, второй пилот тоже понял, что двигатели вышли из строя, как и все, на этом корабле.

– Нет. Двигатели встали, поэтому такая тишина. На счет щита, сомневаюсь – его опасно открывать. Мы должны быть еще в облаке.

За спиной послышался шорох одежды.

– Мистер Рассел, – командир узнал голос Рут. – Пассажиры требуют объяснения. Они взволнованы, их угнетает эта темнота. Они на грани паники. И еще они жалуются, что у них ничего не работает.

– Хорошо, – командир решил лично пройти в салон и все объяснить взволнованным пассажирам, с глубоким вздохом и нежеланием покидая свое кресло. – Еще минуту назад они были спокойны. Хотя я их понимаю, неудобство сильно затягивается.

– Да, командир, ты как всегда прав! – пафосно согласился Риццо. – Очень неудобно сидеть в темноте с отключенными приборами.

Командир медленно направился в пассажирский отсек вслед за Рут.

– Марко, попробуй еще раз связаться с Землей, – уже на выходе попросил он.

– Бесполезно, – отрезал второй пилот.

– Я знаю. И все же попробуй.

Войдя в пассажирский отсек, он откашлялся, привлекая внимание.

– Дамы и господа. С вами говорит командир корабля, Фрэнк Рассел, – начал он, заранее зная, как будет врать. – Мы приносим вам свои извинения, за причиненные неудобства. Возникли некоторые сбои в работе бортового компьютера, повлиявшие на работу освещения и прочего. Второй пилот, в данный момент, занят подключением аварийной системы питания. Возможно, некоторое время, вам придется провести в темноте, но ситуация скоро стабилизируется.

– Что, собственно произошло? – Мужской голос раздался справа в первых рядах.

– Поток космической пыли и заряженных частиц сильно наэлектризовал корпус нашего корабля. – Рассел надеялся, что его глуповатая речь звучит убедительно и они поверят этой лжи. Например, сам себе он верил. Или хотел верить, как бы парадоксально это не звучало. – Пришлось отключить часть питания и временно заблокировать щитом иллюминаторы.

Ориентируясь в темноте на голос командира, кто-то из пассажиров схватил его за рукав кителя и потянул на себя.

– Откройте иллюминаторы! – раздался требовательный голос женщины, крепко державшей Рассела за рукав. – Мы задыхаемся! Дайте нам свет!

– Вас душит паника, – спокойно ответил командир. – Воздуха на корабле достаточно. Мы обязательно откроем вам иллюминаторы, но сейчас это делать еще опасно.

– А у вас в кабине все работает? – мужской голос с задних рядов. В нем слышалась нескрываемая издевка. – Или мы летим вслепую?!

– Разумеется, нет. – Командир был просто обязан сохранять спокойствие. – Бортовое оборудование невозможно вывести из строя.

– Тогда покажите нам свою кабину!

– Да, мы хотим быть уверенны, что все под контролем!

– Мы не в музее, чтобы демонстрировать вам свою кабину, как редкий экспонат, – резко ответил Рассел. – Хотите вы этого или нет, но оказавшись на борту нашего корабля, вы доверили нам свои жизни. В эту непростую минуту ваши жизни действительно зависят только от нас. Задавайте вопросы по существу и не отнимайте у меня время на бессмысленные споры.

В салоне воцарилась тишина. Но уже через секунду на командира вновь обрушился град вопросов. На этот раз по существу.

– Насколько это опасно?

– Почему не работают мои часы?

– У вас есть успокоительное?

Вопросы сыпались из разных уголков салона. Он ответил на каждый и уже собирался уходить, как с заднего ряда, где расположились молодожены, его спросили:

– Как долго не будет света?

Фрэнк Рассел сидел в отсеке управления, потеряв счет времени и, по-прежнему не зная, что происходит и как поступить в сложившейся ситуации. Становилось труднее дышать. Казалось, воздух становился таким же густым, как и темнота. Накрахмаленная рубашка стала влажной от пота. Он снял галстук и расстегнул две верхние пуговицы, но легче от этого не становилось. Еще немного и начнется обратный эффект – корабль начнет остывать.

Марко Риццо ушел в машинное отделение. Ему было необходимо действовать. Он не мог сидеть на месте, прекрасно понимая, что воздух не вентилируется, система регенерации не поддерживает необходимый уровень кислорода в салоне, что они задохнутся! Или замерзнут, когда слои обшивки корабля будут промерзать одна за другой. В этой крошечной темноте он все равно ничего не сможет сделать. Даже провести поверхностный визуальный осмотр.

Спасали только угольные стержни гидроксида лития, хранившиеся в специальных, герметично закрытых ящиках. Их открывали при выходе из строя системы регенерации, после чего стержни вступали в химическую реакцию с углекислотой, выделяемой человеком при дыхании, вырабатывая кислород. Этого вполне хватало на два-три часа, в зависимости от количества пассажиров, что заметно увеличивало их шансы на спасение.

Когда возникла аварийная ситуация, командир распорядился задействовать их. Стюардессам пришлось открывать ящики на ощупь, размещенные в каждом отсеке Боинга, удачно вписавшихся в интерьер. На борту находилось всего семнадцать пассажиров из сорока возможных, что увеличивало их шансы на спасение.

В пассажирском отсеке нарастала паника. Было слышно, как люди обмахивают себя журналами, предоставленные им для чтения в начале полета. Один из мужчин, представившись

доктором Стэнли, ходил по проходу между кресел, тяжело дыша и, успокаивал людей, пресекая панику на корню. Удивительно, но, не смотря на критическое положение, ему это удавалось! Рассел пообещал себе, что расскажет о неценной помощи доктора в критической ситуации своему непосредственному начальству и, потребует предоставить ему возможность бесплатно пользоваться услугами их авиакомпании. Если он вообще захочет летать с ними.

Оставшись в отсеке управления, Рассел вновь терзался вопросом – где он совершил ошибку? Может, не стоило входить в это наэлектризованное облако космической пыли? Ведь он скорректировал маршрут, обходя его центр, где, как показывали приборы, имелись относительно крупные осколки, представляющие опасность для корабля и, на целый порядок сбросил скорость, проведя его по самому краю, где плотность космической пыли была ничтожной.

Пыль, продолжал терзать себя Рассел, всего лишь космическая пыль кометного происхождения. Он вспоминал тот момент, когда они постепенно входили в облако, зачарованно наблюдая за яркой игрой красок.

– Честно признаться, я впервые вижу такое сильное свечение. – Заметил тогда второй пилот. – Замерить бы там радиационный фон. Счетчик Гейгера наверняка зашкалит.

Облако переливалось от бледно-розового до ярко-фиолетового цвета, блекло и вновь разгоралось. Открывающийся вид на фоне звезд и половины освещенной Земли завораживал.

С каких миров занесло сюда эту пыль? Что за вещества таяли от близкого Солнца, так красиво переливаясь? Может, это осколок атмосферы погибшей миллиарды лет назад планеты? Или дыхание таких же людей и замерзший ветер, что когда-то раскачивал деревья. Не исключено, что осколки нашей планеты, которые будут состоять из плоти людей и животных, обрывков полотен великих художников и осколков архитектурных шедевров, так же будут путешествовать по Вселенной. Погрузившись в мысли, Рассел, как загнипнотизированный, смотрел на странное, но прекрасное свечение маленьких частичек. Опасаясь повреждений, он закрыл обзорное окно и иллюминаторы в салоне.

Рассел, как любой командир, считал себя виновным во всем, что с ними происходило. Он еще и еще раз прокручивал в голове вылет с Луны, с того момента, как разглядывал через обзорное стекло лунные горы, раскинувшиеся сразу за космопортом, освещенные Солнцем и, отбрасывающие резкие тени. Площадка взлетно-посадочной полосы была хорошо освещена, не позволяя разглядеть яркие звезды. Вот только что совершил мягкую посадку борт 81. Сбросив скорость, он плавно подкатился к пневморукаву лунного космопорта имени Армстронга, купол которого возвышался всего на несколько метров над землей. Солнце, отражаясь от его тонированных стекол, играло резким светом в безвоздушном пространстве. Само строение уходило на несколько уровней в лунную породу, сливаясь с подземным мегаполисом.

Этон был лунной столицей принимавшей ежедневно тысячи туристов, романтиков, искателей приключений и просто желающих заработать деньги. Места хватало всем, но не каждый мог на нем удержаться. Луна манила людей еще с тех пор, как человек впервые поднял голову и увидел ее. Век высоких технологий подарил человечеству возможность побывать на ней. Теперь, ежедневно совершались сотни всевозможных рейсов, прочно соединивших Землю со своей спутницей. Боинг 2101, под управлением Фрэнка Рассела, совершал рейсы исключительно с лунной столицы, обслуживая состоятельных гостей Этона.

Расселу было пятьдесят четыре, он был на вершине своей карьеры, но она неумолимо катилась к закату, и он совсем не хотел уходить на пенсию. Работа доставляла ему ни с чем несравнимое удовольствие. Работа была его жизнью. Он любил и уважал свою команду – второго пилота, стюардесс и пассажиров. Сливался в одно целое со своим кораблем, сжимая в опытных руках штурвал, чувствуя неземную мощь двигателей, которые полностью были в его подчинении. В полете он всегда испытывал чувство свободы и ответственности с максимальной сосредоточенностью одновременно. Это чувство было смыслом жизни для Рассела и, каждый полет он ждал с нетерпением.

Рассел тяжело переносил каждую катастрофу, случавшуюся с его коллегами, принимая их близко к сердцу. Он всегда выступал в роли авторитетного эксперта, помогая комиссии разобраться в произошедшем несчастном случае, когда таковые случались. Они с коллегами делали все возможное, стараясь полностью исключить катастрофы из летной практики. На этот раз судьба распорядилась так, что он сам оказался на терпящем бедствие корабле.

Взгляд командира утопал в крошечной темноте, не улавливая ни бегущей строки, ни подсказок компьютера, ни сигналов внешних датчиков – панель управления умерла, затаившись во мраке. Фрэнк Рассела это сильно беспокоило, он хорошо знал, что приборы прекращают свою работу только после того, как их отключают при завершении полета. Или, когда корабль терпит катастрофу.

Может, рискнуть и открыть щит? Рассел устал гадать, но и боялся совершить еще, как он считал, одну ошибку. Выбора не было – ему необходим минимальный визуальный обзор, раз они не в состоянии идти по приборам. Командир воздал молитву в благодарность изобретателям, предусмотревшим ручной механизм на аварийный случай.

Встав, Рассел нащупал рычаг под самым потолком. На секунду замер в нерешительности. Он даже не посоветовался со своим помощником. Что если навигационная система корабля вышла из строя и, по роковой случайности его кинуло в центр облака под обстрел камней тяжеловесов, которые вывели все системы из строя? Что если, эти ледяные глыбы пробьют обзорное стекло и погубят всех? Может быть, уже сейчас, происходит утечка драгоценного воздуха через образовавшуюся микротрещину, о которой мы даже не подозреваем? Как тяжело быть слепым, без приборов, не имея элементарного понятия о времени, и о том, что происходит за бортом. Рассел рискнул. Выбора больше не оставалось. Титановый панцирь, медленно сползал вниз, постепенно открывая панораму звездного неба. В образующуюся щель он увидел то, что меньше всего ожидал.

Центральный диспетчерский пункт. Земля.

– Борт сто шесть. Вызываем Землю.

– Земля на связи. – Ответил диспетчер, сделав крупный глоток из не менее большой кружки.

– Это борт сто шесть. Контрольный отчет. Взят курс на Землю. Опережаем график на двенадцать минут. Все системы работают в штатном режиме. Компьютер сообщил о пересечении нашего курса с небольшим облаком космической пыли кометного происхождения. Возможны сбои связи. Просим перенести контрольный отчет на полтора часа позже.

– Вас понял, борт сто шесть. Отсрочку контрольного отчета разрешаем. До связи.

Диспетчер поднял кружку с кофе перед экраном, прощаясь с бортом сто шесть до следующего сеанса связи. Тогда еще не знали, что следующего сеанса не будет и экипаж, вместе с пассажирами, больше никто и никогда не увидит.

Через десять минут, после выхода на связь, борт исчезает с радаров. Мигающая точка на центральном экране диспетчерского пункта космопорта Земли, на котором отслеживались все перемещения кораблей, погасла. Попытки выйти с ними на связь, не принесли результата. Центральный диспетчерский пункт Луны так же подтвердил исчезновения борта сто шесть с экранов и потери с ними связи. Через тридцать минут после исчезновения с экранов радаров пассажирского Боинг 2101, по его курсу до места исчезновения были отправлены три спасательные бригады. Прочесав весь курс корабля и его возможные отклонения, бригады спасателей вернулись ни с чем. С околоорбитальных станций Луны и Земли была собрана вся информация, поступавшая на их радары, в момент исчезновения Боинга. Все радары, единогласно, показывали перемещение пассажирского корабля и его вход в облако космической пыли, где он и пропал в 21:35.

Комиссии, назначенной для расследования случившегося, ничего не оставалось, как направить на место исчезновения корабля группу исследователей. Поисково-спасательные работы, проводившиеся параллельно с научными исследованиями, результатов не дали. Комиссия недоумевала. Не мог космический корабль просто исчезнуть! Самые крупные осколки так же не могли повредить корпусу корабля, который обошел их по краю облака. Но даже если такая трагедия и произошла, куда пропал сам корабль?

Другие эксперты занимались прослушиванием записи переговоров пилотов. Была надежда, что возможно, в последний момент, кто-то из них успел произнести фразу или дать какие-либо распоряжения, из чего можно было судить о произошедшем. Но, многократные прослушивания не приблизили к разгадке исчезновения корабля. Наоборот, возникало еще больше вопросов, так как речь пилотов была спокойной, без малейших признаков беспокойства. Они говорили между собой на отвлеченные темы. Со стороны второго пилота, проскользнуло несколько шуток. И все, обрыв связи. С этой стороны никаких зацепок.

Анализ состава газопылевого облака ничего нового не показал. Все тот же неизменный, существующий миллиарды лет состав: пыль, состоящая из оксидов металлов, кремниевые соединения, всевозможные газы, находящиеся в твердом состоянии. Единственное, что привлекло внимание, это повышенная плотность, наэлектризованность и запредельный радиационный фон. Каждый из перечисленных фактов был не характерен для изучаемого вида космической пыли. Но ничего из этого все равно не могло распылить корабль на молекулы. А впечатление складывалось именно такое. Была даже принята рабочая версия, объясняющая исчезновение корабля, как распад такового на элементарные частицы при не выясненных обстоятельствах.

Заведующий эксперт по расследованию случившейся трагедии был в панике. От него требовали отчет, (прошло больше недели с момента исчезновения) но он не имел понятия, как грамотно и авторитетно объяснить исчезновение корабля и всех, находившихся на его борту. Но, в конце концов, под давлением правительства был составлен итоговый отчет, который звучал следующим образом: «Пассажирский Боинг 2101, следовавший курсом Луна-Земля, имевший на борту семнадцать пассажиров и четыре члена экипажа, на втором часу полета, под воздействием сочетанных факторов повышенного магнитного поля и облучения частиц высокого радиационного фона, распался на элементарные частицы вместе со всеми, находившимися на его борту пассажирами и членами экипажа».

Ведущий эксперт, после выступления на телевидении перед всей страной, которая замерла в тревожном ожидании исхода трагически исчезнувшего корабля, когда отключили микрофоны, сказал, что это бред и, он сам в это никогда не поверит.

Все необходимое было сделано. Людей официально признали погибшими. Отыграли панихиду. Родственникам выплатили компенсацию. Дело закрыли.

Борт сто шесть. 22:43.

– Ты рискнул... – сухо произнес Марко, прищуривая глаза от света, лившегося из обзорного окна, войдя в рубку и увидев, что командир открыл щит. Садясь в кресло второго пилота, он добавил, – двигатели молчат. В машинном отделении такая тишь и мрак, что мне стало жутко, и я решил быстрее вернуться сюда.

– Эта темнота сводит с ума, – согласился Рассел, угрюмо глядя на открывающуюся панораму. – Открывая щит, я рисковал и был готов, что на обзорное стекло обрушатся ледяные осколки. Но я никак не ожидал, что будет вот так.

Он кивком головы указал на окно. Риццо бросил мимолетный взгляд и снова посмотрел на командира, вопросительно подняв брови. Через секунду они сдвинулись на переносице, и он подскочил к окну, словно эти полметра значительно приближали его к звездам.

– Где мы?!

– На орбите Земли, где-то в районе второго уровня. Дрейфуем, потеряв из-за выхода из строя всех систем ориентацию в пространстве и, начали неконтролируемое вращение с уклоном в пятнадцать градусов относительно горизонта, теряя при этом высоту. Это понятно даже без приборов. – Мрачно пояснил Рассел, потом добавил, – сейчас Земля у нас за спиной. Через пару минут наш Боинг развернет и, ты увидишь ее во всей красе.

– Командир, хватит говорить загадками! – Не выдержал нервного напряжения второй пилот, – без ваших ребусов голова кругом! Что значит на орбите Земли?! Нам к ней еще часов шесть лететь!

– Марко, я не говорю с тобой загадками! Я на глаз вижу, где мы и что нас ждет, если движки не заработают. Когда я открыл щит, Земля была прямо по курсу и так близко, что я впервые в жизни не поверил своим глазам. А глаза у меня видели много чего!

– То есть мы в зоне прямой гравитации, – вынес вердикт второй пилот, – и через пару часов устремимся в свободное падение и сгорим. Или замерзнем, или задохнемся!

Фрэнк Рассел промолчал. Этот вердикт он вынес себе и всему кораблю, как только увидел панораму за обзорным окном. Но еще оставалась надежда на самозапуск двигателей.

В отсеке управления было светло от далеких звезд и Солнца, после кромешной темноты, в которой они провели несколько часов. И тихо. Оба пилота молчали, заморожено-обреченно глядя на звезды.

– Но мы не могли проскочить мимо, – тихо произнес второй пилот, нарушая тяжелое молчание и разводя руками. Он встал, прижавшись лбом к холодному стеклу и, медленно покачал головой из стороны в сторону, словно отказываясь верить созвездиям, которым доверял всю жизнь. – Нас должен был подобрать патруль. Мы дрейфуем, а все дрейфующие корабли автоматически пеленгуются и берутся на буксир службой спасения! Ты знаешь это не хуже меня.

Лицо оторвался от волнующей панорамы и, указав в сторону безразличных звезд, спросил.

– Что ты на это ответишь?

– Слишком, у нас с тобой много вопросов и, ни одного ответа.

– Остается надеется, что нас подберут на следующем витке.

Марко был прав. Он заметил своим опытным глазом, что Боинг медленно уходит вправо, возвращаясь на очередной виток вокруг Земли, постепенно к ней приближаясь. Это было очевидно без приборов, как уже успел заметить командир. Экипажу было необходимо что-либо предпринять, иначе они просто сгорят в атмосфере. Приборы по-прежнему молчали, так же как и солидарные с ними двигатели.

– Марко, – обратился командир к подавленному помощнику, который вжался в кресло и о чем-то усиленно думал. – Теперь моя очередь задавать вопросы.

– Задавай, – равнодушно бросил пилот. – Ты все равно не получишь на них ответов.

– И все же. В облако мы попали на втором часу полета. Сколько прошло времени после отключения всех систем?

– Час, – неуверенно прикинул Риццо, пожав плечами. – Максимум, два.

– Хорошо. – Согласился командир. – Допустим, что прошло три часа. И того пять. Нам еще больше шести часов до посадки не смотря на опережение графика. Как мы могли за три часа, на обесточенном питании, долететь до Земли?!

– Не знаю. Но пассажиров это наверняка обрадует.

Остальные полчаса пилоты провели в тревожном ожидании. Их бесило то, что они не в состоянии предпринять меры по спасению. Абсурдность ситуации выматывала. Стюардессы ушли к себе в каюту, появилась возможность немного отдохнуть, так как все пассажиры спали, измученные тревожным ожиданием развязки, под воздействием успокоительных капель и слов доктора. Они были уверены, что все скоро закончится. Спасибо стюардессам, работавшим в кромешной темноте, проявив высокий профессионализм и, конечно, доктору Стэнли.

Дрейфующий Боинг успел сделать еще несколько оборотов вокруг своей оси, постепенно уходя с орбиты в зону прямого притяжения. Но пока они были в холодном космосе, который постепенно проникал через многочисленные слои обшивки.

– Мы уходим в теневую часть Земли, командир, – доложил второй пилот и накинул китель, висевший на спинке кресла, который снимал совсем недавно, спасаясь от духоты.

Фрэнк Рассел последовал его примеру – в салоне стало заметно холоднее. Надев его, он остался стоять за спинкой своего командирского кресла.

– На Солнце корабль остывал медленнее, – сказал он. – В тени нам не выжить.

– Нам в любом случае не увидеть больше Солнца, командир. Мы не сможем высчитать, сгорим ли мы, падая как метеорит, или все же судьба смилостивится над нами и даст спокойно замерзнуть!

Риццо не скрывал своих эмоций, произнося эти слова громко, жестикулируя в сторону надвигающейся тени, поэтому не услышал, как в кабину тихо вошла Рут.

– Мы в любом случае умрем, да?

Тихо, как мышка, прошептала она, но оба пилота так резко обернулись, словно услышали крик.

– Я стучала, – сразу принялась оправдываться Рут, – стучала.

Рассел быстро подошел к ней и сжал ее холодные руки. Молоденькое лицо стюардессы было едва освещено светом заходящего Солнца из обзорного окна.

– Буду с тобой откровенен, – проговорил Рассел, крепче сжимая ее холодные руки. – Если не произойдет самозапуск двигателей – да, мы умрем. Но как это произойдет, мы не знаем. Сейчас невозможно определить, сколько времени мы будем находиться в тени. Воздуха нам должно хватить, так как пассажиров очень мало, но корабль остывает. И падает.

Рассел не стал утешать девушку словами, что все еще будет хорошо. Это была бы отвратительная ложь. Как он мог говорить ей о спасении, если даже не знал, как они погибнут, оставляя эти варианты на усмотрение судьбы. На лицо девушки медленно напозла тень. На корабле наступила холодная ночь.

В отсек управления вошла Ариана. Рассел не видел ее, но узнал запах ее духов. Женщины всегда остаются женщинами, даже на тонущем корабле.

– Рут, мне нужна твоя помощь, – сказала она с порога, – пассажирам необходимо раздать теплые пледы.

– Конечно, сейчас я вам помогу, – откликнулась девушка, осторожно направляясь к выходу. Затем, как показалось Расселу, обернулась. – Спасибо вам, командир, за правду. Если бы вы начали меня успокаивать, я бы не выдержала.

– Вам принести плед? – Твердым голосом спросила Ариана.

– Да, по одному будет вполне достаточно. Пассажирам раздайте как можно больше одеял. И не забывайте, пожалуйста, про себя.

– Девушки! – крикнул им в след Марко Риццо, – я бы с радостью поделился с вами теплом неаполитанского солнца, которое ласкало меня полжизни, но сомневаюсь, что меня отпустит командир в столь трудную минуту.

Рассел вернулся в командирское кресло, устремив взгляд на звезды, которые стали ярче и, казались холоднее, не затмеваемые более Солнцем, спрятавшимся за диском Земли. Он жадно всматривался в пространство, ожидая увидеть пролетающий корабль, который возьмет их на буксир и спасет. Но мимо никто не пролетал. Рассел, как ни старался, не мог разглядеть невооруженным глазом ни одного габаритного огня. Создавалось ощущение, что весь мир, и не только люди, бросили их умирать, отвернувшись, запрятав лицо.

Рут принесла пилотам пледы. Стало немного теплее, но это было ненадолго. Боинг продолжал свое неконтролируемое вращение в тени Земли. Там, внизу, где сейчас царила ночь, казалось, так же темно и холодно. Как ни пытались пилоты, но им не удалось разглядеть света

больших городов, когда корабль разворачивало к Земле. Большая часть полушария была затянута густым слоем облаков, казавшихся чернильными в этой темноте.

Пассажиры, закутанные пледом, молча ожидали спасения. Молодая парочка, обнявшись, грелась на заднем ряду, уткнувшись друг в друга холодными носами. Мужчина, который с самого начала полета заказывал виски, попросил еще двойную порцию, но на этот раз безо льда. Усталые, замерзающие пассажиры были спокойны. Они были просто уверены, что скоро все закончится и, их обязательно спасут.

Только Рассел и Марко Риццо не были ни в чем уверены. Они не знали, почему их до сих пор не спасли, почему за такое время никто не пришел на помощь.

Командир закрыл глаза, откинувшись на спинку кресла. У него больше не было желания смотреть на запотевшее обзорное окно, на котором Риццо большими буквами написал «SOS», прокомментировав, что теперь их точно спасут! Корабль остывал настолько стремительно, что изо рта, при каждом выдохе шел густой пар.

Рой тревожных мыслей бился в голове Рассела, затем они стали тяжелеть, становились все более тягучими, словно замерзали вместе с ним. Появлялись, сменяя друг друга картинки, бессмысленные и нелепые. Только когда Риццо толкнул его в плечо, он понял, что заснул на боевом посту в тяжелую минуту. Вздрогнув, Рассел резко подался вперед. Автоматически пробежал глазами по панели управления, считывая информацию. Информацию?! Только сейчас, он сообразил, что приборы наконец-то заработали. Он резко отшвырнул свой плед, чтобы тот не мешал ему работать.

– Уже почти полночь! Мы дрейфовали два с половиной часа! – Более молодой помощник уже проверял работу систем жизнедеятельности корабля не переставая поражаться данным, которые выдавал заработавший бортовой компьютер. – Двигатели запущены. Регенераторы кислорода в режиме. Вентилюю салон. Система теплорегуляции задействована.

– Марко, срочно свяжись с Землей! Сообщи что у нас неисправности глобального характера. Питание может вырубиться в любой момент.

В пассажирском отсеке загорелось приглушенное ночное освещение. Бессознательное состояние пассажиров, вызванное резким снижением температуры, плавно переходило в здоровый, излечивающий нервы и тело, сон. Рассел не стал открывать для них иллюминаторы, чтобы ни шокировать таким быстрым прилетом. Ариана сразу вышла в салон. Увидев, что не все пассажиры спят, она сообщила, подходя к каждому, кто оказался покрепче и бодрствовал, что полет продолжается в прежнем режиме и, поводов для беспокойства больше нет.

Второй пилот отчаянно пытался связаться с диспетчером, пока появилась такая возможность. Фрэнк Рассел, в свою очередь, выровнял курс корабля, выводя его на орбиту. По правому борту возникла Земля рассеченная светом заходящего Солнца. По открывшейся панораме он понял без подсказки приборов, что они уже сместились на одну из орбит первого уровня. Как вовремя заработали все системы! Еще один виток, и корабль вместе с несчастными пассажирами устремился бы в свободное падение, в котором они сгорели бы заживо в оплавляющемся корпусе ракеты. Но, скорее всего, к тому времени были бы мертвы от переохлаждения.

Как же такое допустили патрули? Неужели их проскочили? Где они есть, черт возьми! Но эти вопросы недолго занимали мысли пилотов. Главное, что Боинг стал вновь управляемым, самостоятельно вернув себя к жизни. Птичка ожила, расправив крылья, подумал Рассел.

Он уже представил себе картину, как они сидят в баре, захмелевшие, и вспоминают приключение. На душе стало спокойно и светло. Рассел не знал, как они так быстро долетели до Земли, важно то, что все уже почти позади. Рут принесла пилотам горячий кофе с булочкой, что еще больше подняло настроение.

– Фрэнк, Земля молчит, – сообщил второй пилот, убедившись, что они остались одни. – В эфире стоит полная тишина, даже помех нет.

– Пробовал на низких частотах? – радости как не бывало.

– Да. Тоже самое. Даже аварийная частота молчит. Это может быть только из-за неисправности антенны. Похоже, она вообще вышла из строя, даже на мониторе чисто. Ни один объект не пеленгуется.

– Что еще может быть! – отчаянно проговорил Рассел. – Без связи мы сможем сесть, но это очень рискованно. Мы не знаем обстановки в космопорту, без разрешения диспетчера мы можем создать там аварийную ситуацию.

– Ну что, командир, принимай решение, – улыбнулся второй пилот. Неисправная антенна не могла повлиять на его настроение. – Навигационные приборы работают исправно, а это главное. Нам нужно идти на посадку, кто знает, что откажет на этом корабле через минуту.

Риццо был прав. Нужно как можно быстрее вернуться на базу. Но кто даст гарантии, что все будет работать, при входе в плотные слои атмосферы. Если в космосе, когда отказали все системы, корабль спокойно дрейфовал, то во время посадки, даже при отказе одной из них, все разобьются. Рассел поделился своими опасениями с напарником.

– Я предлагаю стыковаться с одной из спасательных станций и эвакуировать всех пассажиров с корабля. Там, механики осмотрят наш корабль, а людей вернут на Землю аварийным катером.

Риццо молчал, прикидывая шансы на успешную посадку. Рассел разглядывал пространство за обзорным окном, тоже решая, как лучше поступить. Что-то было не так! Какая-то отчаянно тревожная, не дающая покоя мысль, сверлила сознание, словно что-то очень плохое за окном, проецировалось в мозг командира. Где-то, на подсознательном уровне, его стала тревожить еще одна мысль, которую он никак не мог осознать, занятый другими вопросами.

– Ты прав. Рисковать людьми не стоит. – Поддержал командира второй пилот. – Как мы найдем спасательную станцию без связи и пеленга? Визуально искать ее среди тысяч объектов, которые здесь вращаются, мне кажется делом безнадежно долгим.

Тысяч объектов? Спросил Рассел у себя. И тут он понял! Медленно поднявшись из своего кресла, облокотившись о подлокотники и не отрывая глаз от обзорного окна, он отчаянно всматривался в него, что-то выискивая. Вид у командира был как у резко помешавшегося человека, который видит то, чего нет. Но, к сожалению, он действительно ничего не видел! Марко тревожно смотрел на него, боясь спросить, что происходит. Рассел медленно опустился в кресло. Риццо не отрывал от него глаз.

– Система пеленга исправна, Марко. Нам просто нечего пеленговать. Посмотри внимательно, ты видишь за окном хоть что-то?!

Ничего! Орбита Земли была чиста и безлюдна, как до первого появления человека в Космосе. Саму Землю, по крайней мере, большую часть видимого полушария, покрывал толстый слой грязно-белых облаков, похожих на ядовитый дым. Можно было рассмотреть вспышки молний на обширном участке, где, по всей видимости, бушевала сильнейшая гроза.

– Ты прав, – согласился Риццо, обреченно глядя на чистый экран монитора. – Система пеленга исправна. Но она все равно никого не видит.

Риццо перевел свой недоумевающий взгляд с монитора на обзорное окно.

– Наверное, все корабли и станции оказались на той стороне Земли, – он как-то не весело усмехнулся и, его полуулыбка умерла на губах, не успев родиться.

– Я рад, что ты сохранил, свойственное тебе, чувство юмора, – поддержать своего помощника командир считал своим долгом. Но на душе было совсем не весело.

В отсеке управления воцарилось молчание. Оба пилота продолжали всматриваться в безлюдное пространство за окном. Командиру показалось это молчание неловким.

– И не смотря на все это, – он, театральным жестом обвел безлюдное пространство, раскинувшееся перед ними, не веря сам себе и, чувствуя, как глупо звучат его слова, – думаю, что все еще прояснится и хорошо закончится.

Марко никак не отреагировал на его вялый, но оптимистический порыв, продолжая безуспешно всматриваться в пустынную даль.

– Какие предложения, командир?

Лицо задал этот вопрос, не свойственным ему серьезным тоном, проигнорировав заявление, что все будет хорошо, предоставляя Расселу решать, как поступить дальше. И он был прав.

Ответственность за жизни пассажиров лежала на его плечах. Может и хорошо, что их всего семнадцать, – размышлял Рассел. – А может, и нет? Вдруг, если бы были проданы все билеты на этот рейс, все обошлось? Может, я настолько суеверный, что испугался этого полупустого салона. Но я никогда не держался за пуговицу своего кителя, когда мимо пролетала черная комета. Если пролетела, повезло, нет – и пуговица не поможет. Что же произошло, когда мы были в облаке за эти несколько часов? Ядерная война, катаклизм планетарного масштаба или эпидемия всемирного суицида? Нет, это не с ними, с нами что-то произошло. Но что?

Размышления командира об апокалипсисе прервал возглас Марко, показавшегося в этой мрачной тишине, настоящим воплем.

– Смотри! Сигнал на мониторе!

Он сделал распечатку запеленгованного сигнала. Сигнал поступал со спутника, только что вышедшего из теневой стороны Земли. Его изображение передавали мощные камеры, проецируя на мониторе.

– Что это? – Рассел разглядывал крестообразный спутник, заключенный в узкую дугу системы межтерминальных сообщений. – Я такого не помню.

– Я тоже его впервые вижу. – Марко, внимательно сдвинув брови, рассматривал таинственную станцию.

Станция, медленно плывшая на фоне звезд, напоминала призрак. Она выглядела отталкивающе, почему-то напоминая заброшенный дом, наполненный призраками. И не смотря на свои тревожные настроения, Рассел принял решение.

– Мы пойдем на сближение с этой станцией, – сообщил он, не отрывая от нее глаз. Марко, не поворачиваясь к нему, так же напряженно смотрел на парящий в пространстве, бесшумный призрак. Сходство с заброшенным домом придавали иллюминаторы, в которых не горел свет. Бортовые огни тоже не перемигивались, предупреждая об опасности пролетающие объекты. Теперь некого было оповещать.

– Надеюсь, ты не собираешься к ней пристыковываться? – Спустя некоторое время, медленно повернувшись, спросил второй пилот, словно до него только что дошли слова командира.

– Собираюсь, – коротко ответил он.

– Зачем? Это рискованно! Наш курс лежит на Землю. Еще два часа и мы дома.

– Ты думаешь, я не хочу быстрее вернуться домой? – Рассел был серьезен и строг, как никогда. Наверное, сказывалось нервное напряжение и его далеко не молодой возраст. – В-первых, мы уже решили, на Землю не возвращаться – на неисправном корабле это очень рискованно. Во-вторых, – он указал на станцию-призрак за окном, – у нас появилась возможность хоть что-то прояснить для себя.

– Командир, разве ты не видишь? – эмоциональный помощник вскочил с кресла и тоже указал рукой на станцию. – Она сама нуждается в спасении. Она дрейфует, как и мы дрейфовали час назад. От нее не исходит ни одного сигнала, ни на одной доступной нам частоте. Даже бортовые огни не горят. Я ее не знаю, в конце концов!

– Она действительно выглядит безжизненной. Но мы все равно к ней пристыкуемся, не смотря на то, что ты боишься привидений.

Второй пилот выглядел ошарашенным. Он не мог понять, шутит ли с ним командир или говорит серьезно. Но уже через минуту он улыбнулся и сел назад в кресло.

– Хорошо, – согласился Марко. – Но что мы скажем пассажирам? Долго себя обманывать они не дадут.

– Сейчас глубокая ночь, они спят. По графику мы прошли только половину пути. Так что, мы имеет пять-шесть часов форы. Иллюминаторы в салоне по-прежнему закрыты щитом, поэтому наши клиенты не увидят того, что видеть им совсем не обязательно.

Лицо одобрительно покачал головой, уверенный, что они успеют за ночь подойти к станции и пристыковаться к ней. И, как надеялся командир, выяснить, что происходит, пока ничего не подозревающие пассажиры были уверены в благополучном завершении рейса.

Роскошный, полупустой салон лениво освещался кремовым светом, вовлеченный в тягучую дремоту полуночи. Полный мужчина огляделся по сторонам. Немногочисленные пассажиры, укрытые клетчатými пледами, спали, убаюканные мирным гулом заработавших турбин. Особа модельной внешности, что-то читала, лениво листая электронную книгу. Через проход от него, в соседнем ряду, так же как и он бодрствовал мужчина, коротая эту ночь первоклассным виски.

– Мне жаль, – произнес розовощекий джентльмен, поглаживая свой огромный живот, убедившись, что у него есть слушатели, не смотря на столь поздний час, – мне очень жаль, что я зависим от обстоятельств! Мне бы вернуться на Землю и глотнуть свежего, морозного воздуха! Разжечь костер во дворе и, собрав все свое многочисленное семейство, приготовить молодого барашка! Насладившись вкусом нежного мяса, пропитанного крупичками февральского снега!

– Ваши слова вселяют в меня неуверенность! – Возразила пожилая женщина, сидевшая за спиной мужчины. – Вы жалеете? Но о чем? Нас же уверили, что все хорошо! И повода для беспокойства нет! – Её неловкий жест костлявой рукой привлек унылый взгляд собеседника, и тот как бы оправдываясь, процедил сквозь зубы, наклоняясь к ней.

– Нам многого не договаривают, и это печальная истина!

– Как? – Вскрикнула молодая особа, вовлеченная в беседу спутников, – не следует травить меня ужасными байками! Я молода, красива, перспективна! Мой парень ждёт меня, приготовив какой-то сюрприз! И я не поверю, что мне не суждено его получить!

– Милочка, – лениво, не оборачиваясь, проговорил мужчина, тяжело вздохнув. – Я, психиатр, по совместительству клинический психолог, тридцать лет работал с маньяками и убийцами, так что не судите строго, для меня раскусить обман, фальшь, ложь не составляет особого труда! – Он многозначительно, указывая на очевидные факты, глухо постучал по стеклу иллюминатора, закрытого щитом и, уверенно произнес, – вам разве этого не достаточно?

Болезненное молчание сковало собеседников. Проницательная стюардесса, уловившая нить волнения, поспешила успокоить пассажиров.

– Простите, услышав вашу беседу, я не могла не вмешаться в разговор. Нет повода для беспокойства, все в полном порядке! Полет продолжается в прежнем режиме. И еще! – Строго добавила Ариана, обращаясь непосредственно к полному мужчине, – если вы психиатр, как говорите, то почему, вместо того, чтобы успокаивать людей вы сеете панику? Вы соскучились по своей работе и пациентам? Совсем недавно, доктор Стэнли, вы как настоящий герой, не дали сойти с ума всем пассажирам. Сейчас наоборот, когда ситуация стабилизировалась, начинаете всех запугивать!

– Я не сею панику и никого не пугаю, – спокойно ответил мужчина, – наоборот, пытаюсь поговорить с пассажирами о ситуации. Пусть наши дилетантские размышления о возможных неполадках смешны, но поверьте, гораздо страшнее отворачиваться от правды, какой бы она ни была, чем взглянуть ей в глаза и быть готовым противостоять сложившимся трудностям. Хотя бы морально.

Старшей стюардессе больше не чем было ответить. Но и молча уйти, она тоже не могла, спросив у пассажиров, не желают ли они выпить.

– Да-да! – Раздался веселый и хмельной голос весьма привлекательного мужчины с выразительной, квадратной челюстью, – мне, пожалуйста, виски! Двойной!

– Мистер, – сдержанно проговорила стюардесса, – мне несколько не жалко тающее содержимое нашего бара! Но держите себя в руках! Будьте добры!

– А зачем? Мне весело, от того, что слишком грустно. Я не терплю недомолвок!

– Все это только ради нашей безопасности, – заметил доктор. – Ложь во спасение! Потерпите, скоро все прояснится. Они наверняка сами в растерянности!

– Ладно, но виски мне принести обязаны!

Стюардесса натянуто улыбнулась и молча, оставила тесный круг полуночников.

Ариана передав работу с пассажирами молодой напарнице, прошла в отсек управления, желая сообщить о настроениях в салоне.

– Мистер Рассел, – обратилась она, – волнение не оставляет наших привередливых клиентов.

Командир, устало вздохнув, обернулся к стюардессе.

– Свет горит, в салоне все работает, мы держим курс на Землю, что им еще надо?!

– Один из клиентов открыто высказывает свои подозрения, представляя веские, на его взгляд доказательства, что не все так гладко.

Фрэнк Рассел и Марко Риццо переглянулись, не скрывая своего возмущения.

– О каких доказательствах может идти речь! – Воскликнул итальянец. – Он что, пилот?! Главный инженер нашего конструкторского бюро?! Или кто?!

– Он психиатр. Доктор Стэнли, который так нам помог в критический момент.

Марко Риццо, замерев на секунду, резко вскочил со своего кресла и, не сдерживая свои эмоции, громко произнес.

– На чем он вообще основывается?! – Всплеснув руками, второй пилот направился в салон, – пусть лично мне выразит свое недовольство! Ему кажется скучно! Когда всем плохо и страшно он успокаивает, когда все хорошо он, наоборот, пугает!

– Марко, вернись на место, – спокойно произнес Рассел. – Ты нужен мне здесь.

– Мистер Рассел, – подозрительно обратилась Ариана, повернувшись к капитану. – У нас действительно все хорошо?

– Вся сложность в том, что мы даже не знаем, с какими трудностями столкнулись, – ответил капитан, напряженно поедая взглядом, ставшую пустой орбиту Земли.

Проследив за переменной в лице капитана, Ариана, как человек опытный и проницательный, не смогла не заметить тревогу и опасения в глазах пилотов.

– Я вас попрошу, – сказала она, возвращаясь к пассажирам. – Вы можете обманывать кого угодно, но от меня, надеюсь, у вас не будет секретов.

Не дожидаясь ответа, она вышла из отсека управления, оставив пилотов наедине с возникнувшими трудностями.

Ариана увидела идущую ей на встречу напарницу и не смогла не поинтересоваться о споре, возникшем среди пассажиров. Рут довольно спокойно отметила, что мужчина, откровенно высказывающий свои мысли, на данный момент увлечен беседой с новым знакомым. Ариана выслушав напарницу, распорядилась, что с этим человеком будет работать только она.

– Как к вам можно обращаться? – С довольной гримасой, спросил Стокс, получив наконец-то горячительный объект вожделения.

– Доктор Стэнли, можно просто, док.

– Эрик Стокс, – широко улыбаясь, представился мужчина, заняв свободное место рядом с доктором – будем знакомы!

– Я просто выжидаю момент, когда наконец-то они сами раскроют карты.

Как-то сразу начал диалог доктор Стэнли, глядя в сторону кабины пилотов, словно вслух озвучил свои мысли.

– Откуда такая уверенность? – С нескрываемым любопытством поинтересовался Стокс.
– Это более чем очевидно! Это напряжение, излишняя учтивость – они как бы извиняются за что-то, бегающие, испуганные глаза, могу продолжать бесконечно! Вот смотрите! Дорогая, будьте любезны.

– Я вас внимательно слушаю, мистер Стэнли! – Словно из-под земли возникла стюардесса.

– Мы с моим новым другом, крайне взволнованны и, хотели, чтобы вы поделились с нами имеющейся информацией. Неужели это так невозможно?

Стюардесса, обеспокоенная не меньше, чем пассажиры, держалась уверенно. Но скрыть волнение от опытных глаз ей не удавалось и, с фальшивым энтузиазмом ответила, понимая, что ее слова не больше чем звук.

– Нам понятны ваши переживания. Мы приносим вам свои извинения за неудобства и, в кратчайшие сроки обязуемся все объяснить. Как только капитан освободится, он выслушает все ваши вопросы и постарается ответить на них.

– Мы вам очень признательны. – Пафосно, и очень громко выдал развеселившийся мужчина. – Мы вам верим! Но не забывайте докладывать нам об изменениях.

Девушка одобрительно кивнула и поспешила уйти.

– Ну как я? – Поглаживая ладонью свою выдающуюся челюсть, спросил Эрик Стокс.

– Не люблю лицемерить, но парень ты довольно-таки прагматичный. Но алкоголь вам не к лицу. – Тяжело дыша, произнес доктор. Он понизил тембр голоса и тихо прошептал, – ты не один такой, кто затирает страх смехом и весельем. В глубине души тебе хочется плакать и рвать на себе волосы, ворваться в кабину пилотов и с разъяренным воплем, гневно разнести все в пух и прах.

– Один ноль в вашу пользу, – серьезно и вдумчиво отозвался на слова лекаря душ, изменившийся в лице, прежде шумный Стокс. Немного помолчав, он вновь заговорил. – Странно как-то, но я скучаю по работе, по бесконечному серому потоку глуповатых, наглых и дотошных людей, бесконечным счетам, с таким же бесконечным рядом цифр. Наконец, по компьютеру, набитого до отказа сухими и скучными программами, от которых слетаешь с катушек. Меня откомандировали на Луну, как лучшего работника, оплатив перелет на этом первоклассном Боинге. Я был счастлив, что мне так повезло совместить работу с приятным времяпровождением. Теперь, я так не думаю. А у вас есть семья? – Как бы опомнясь, поинтересовался понурый Стокс, отставляя не допитый бокал дорогого виски.

– Да, у меня большая и дружная семья. Две дочери и два сына. И уже пятеро внуков!

– Счастливый вы человек!

– Да. И младшая дочурка меня порадовала, – мужчина закашлялся и, отдышавшись, продолжил. – Только в колледж поступила и, твердо для себя решила пойти по моим стопам.

Он откинул край пиджака и, улыбаясь, достал небольшую фотографию с запечатленной на ней белокурой, миловидной девчушкой, со скромной и кроткой улыбкой на бледном лице.

– Думаю, она сделала правильный выбор. – Рассматривая фото, сказал Стокс. – У нее ваши глаза, пронзительные, заставляющие сдаваться.

Доктор засмеялся и, довольный комментарием добавил.

– Видишь, она и тебя обезоружила!

– Мистер Стэнли, – прогнусавила все та же истеричная особа из соседнего ряда. – Я хочу знать все!

– Я тоже. – Отрезал ее эмоциональный порыв доктор и, с трудом обернувшись, тоскливо произнес, – я сижу в салоне на пассажирском кресле, как и вы. Ситуация читается тяжелой, я это вижу, да. Но детали, это уже не ко мне. В конце концов, я психиатр, а не телепат.

Девушка, недовольно что-то пробормотав себе под нос, обиженно встала и наигранно удалилась в дальнюю часть салона.

Было около четырех утра, когда Боинг вплотную подошел к таинственной станции. Марко глубоко вздохнул, глядя, как она медленно и неотвратно закрывала собой весь обзор, заставляя почувствовать себя ничтожным. Фрэнк Рассел передернул плечами от ощущения холода, исходившего от нее.

– «Мальтийский крест», – прочел второй пилот название станции, недоверчиво всматриваясь в недостающие буквы, на месте которых шрамами исполосованная обшивка говорила о страшных событиях произошедших здесь. – Оригинально.

– Надеюсь, на этом оригинальности закончатся, – пробурчал Рассел, напоминая сам себе вредного старика, заглядывая в темные иллюминаторы. – Пристыковываемся.

Стыковка прошла в штатном режиме. Ее выполнил второй пилот. Боинг только слегка качнуло, не повредив тревожному сну обеспокоенных пассажиров. Рассел боялся совершить ошибку, так как его руки била мелкая, предательская дрожь. Страх, первобытный и животный, полностью завладел его сознанием. Итальянец был спокоен, по крайней мере, внешне и, командир надеялся, что напарник не замечает, что с ним происходит. Риццо еще не знал, на что решился Фрэнк Рассел и, что он собирался сделать. Но долг командира корабля обязывал идти на подвиги, которые, видит бог, он не рвался совершать.

– Командир Рассел, – обратился Риццо, – я так понимаю, ты собрался идти туда один. – Кивком головы, он указал на станцию, с которой они теперь медленно вальсировали на орбите Земли.

Марко застал его врасплох. Да, он действительно собирался провести разведку на этой заброшенной с виду станции. Рассела охватывал дикий ужас от одной мысли, что ему придется пройти по ее коридорам в крошечной темноте, в поисках истины. Фантазия, не смотря на его запреты, рисовала страшные образы одичавших людей, ждущих своего часа инопланетных пришельцев, в виде киношных монстров...

– Один. – Произнес Рассел, словно вынося себе приговор. Медленно встав с кресла и направившись к выходу, он обернулся и посмотрел на Марко, лицо которого выражало тревогу.

– Ты можешь не ходить туда, – неожиданно заявил он, – давай отправим на станцию девочек?

Марко всегда мог разрядить напряженную ситуацию простой шуткой. Расселу стало даже немного веселее.

В аварийном отсеке второй пилот помог командиру облачиться в скафандр, проверил заряд пистолета, крепление складного ножа на поясе и запас кислорода в баллоне. Он несколько раз включил и выключил фонарь, проверяя его надежность, без него не имело смысла блуждать темными коридорами неизвестной станции.

– Может, вместе сходим на разведку? – Еще раз предложил составить компанию Риццо, – там может быть не безопасно.

– Знаю, – ответил Рассел, – но и ты прекрасно понимаешь, что вдвоем мы идти не можем. Если с нами что-то случится, наши пассажиры обречены. Только мы сможем вернуть корабль на Землю.

– С тем же успехом, туда могу пойти и я, – упрямылся Марко, – в конце концов, можно бросить жребий!

– Нет! Иду я и это приказ!

Демонстрируя свою капитуляцию в этом споре, второй пилот поднял руки.

– Хорошо, – сказал он, провожая командира до шлюзового отсека, – только без лишнего героизма.

– Я что, похож на героя?

– Нет. Поэтому я тебя прошу, без героизма.

– Я буду на связи. Если отдам приказ отстыковаться – выполнишь его немедленно!

Риццо изобразил затаенный зев, всем своим видом показывая, как ему скучно выслушивать подобные нотации старого командира.

– Я же просил, без героизма. А эти слезоточивые речи оставь киногероям.

Марко, хлопнув командира по плечу, вышел из шлюзового отсека, закрыв за собой дверь. Рассел остался один на один со своими страхами, лицом к внешним створкам таинственной станции, за которыми можно было ожидать чего угодно.

Надев на голову шлем, надежно закрепив его стальным ободом, который, казалось, стал душить, он рванул внешний рубильник вверх. Шлюзовые створки стали медленно расходиться в разные стороны. Рассел сразу обратил внимание на толщину металла входных шлюзов, защищавших вход на станцию. Толщина превосходила вдвое, самые толстые и бронированные двери, которые ему когда либо, довелось видеть за всю его профессиональную карьеру.

Почему-то Фрэнку Расселу представилось, что он будет выглядеть глупо, когда окажется на станции и его увидят люди в скафандре и полном вооружении. Они подумают – что-то случилось. Он снимет шлем и скажет, что его Боинг 2101 перехватил сигнал бедствия, и они пришли на помощь. В ответ обитатели станции посмеются, объяснив, что это был просто спецсигнал на особой частоте, который бортовой компьютер неверно истолковал. Но все равно поблагодарят за проявленную бдительность и внимание. Он вернется к себе на борт, и они полетят домой... К сожалению так не будет – Рассел знал это твердо.

Вместо ярко освещенной станции, суетящегося и спешащего по своим делам персонала он, как и ожидал, увидел черную бездну, обрамленную в прямоугольную форму открывшихся бронированных дверей. Фрэнк Рассел включил фонарь, освещая путь перед собой. Луч нервно метался по стенам, потолку, немного дрожа и выискивая нечто ужасное. Кроме внутренней облицовки станции и чем-то захламленного прохода, он ничего не увидел. И сделал шаг. Но это было не самое страшное – шагнуть в черную бездну неизвестности. Страшнее было повернуться к ней спиной, чтобы рубильником закрыть шлюзовую камеру и отрезать себя окончательно от своего корабля, стюардесс, пассажиров и, конечно же, Марко Риццо.

На подлете пилоты засыпали «Мальтийский Крест» всевозможными сигналами – все было бесполезно, не отвечала даже автоматика, не то, что люди. Если они здесь, конечно были.

Выйдя из шлюзового отсека, Рассел оказался в длинном коридоре, больше напоминавшем шахту. Луч фонаря терялся где-то во мраке, не находя препятствия. Рассел медленно двинулся вперед, подумав, что если сейчас он будет внезапно атакован, кем бы то ни было, то его не молодое сердце этого не переживет. Отогнать подобные мысли ему помогло чувство ответственности, которое он нес за всех, находящихся на борту его корабля.

Под ногами, оседая пылью, рассыпалась пеплом чья-то военная форма. В этой горстке пыли, в свете фонаря, что-то тускло блеснуло, привлекая внимание командира. Он решил посмотреть, что это. Но, увы, материал рассыпался в руках, как порошок, словно пролежал здесь не одну сотню лет. Единственное, что сохранили его руки, был местами расплавленный орден, с отколовшимся острым краем. Он был гладок, не считая повреждений, без единой буквы и цифры, без символических обозначений, что могло хоть как-то приблизить к пониманию происходящего. Очередные загадки, на которые Рассел просто устал обращать внимание.

Расселу было необходимо найти рубку с бортовым журналом, чтобы как можно быстрее понять, что здесь происходит. Запаса кислорода хватит только на три часа. Датчики, установленные на скафандре, показывали, что температура в норме, давление, содержание кислорода в воздухе, радиационный фон – все было в норме. Но снимать его без крайней необходимости Рассел не спешил. В этой кромешной тьме, в скафандре, он чувствовал себя немного защищенным.

Он решил отчитаться второму пилоту, скорее для того, чтобы он его подбодрил. Риццо мог только слышать командира и все то, что творилось вокруг. К сожалению, аварийные скафандры не были снабжены камерами – в случае аварии в них не было необходимости.

- Марко, я иду по коридору. Никого нет. Попытаюсь добраться до бортового журнала.
- Попытайся. И не дыши так часто, иначе кислорода и на час не хватит.
- Спасибо за совет. Ты всегда найдешь, как подбодрить своего командира.

Чем дальше он удалялся вглубь станции, тем больше попадалось мусора. Истлевшая одежда, клочки бумаг, вилки, погнутые кухонные принадлежности. Тишина давила на уши нудным звоном. Ее нарушала лишь барабанная дробь крови в висках. Рассел не помнил, сколько брел по бесконечному коридору, потеряв счет времени, пока не оказался в узловом отсеке, соединявшем всю станцию. Реальное время, которое отображалось в нижнем правом углу на циферблате и то, что он ощущал – было совершенно разными вещами. Словно иное измерение. Расселу казалось, что прошло минут сорок, а часы показывали, что всего одиннадцать.

Хотя он и не видел общей картины, луча фонаря было вполне достаточно, чтобы увидеть в узловом отсеке все те же истлевшие обрывки какой-то ткани, возможно служившей когда-то одеждой, битое стекло... Рассел замер, когда увидел истлевшее тело. Да, он не ошибся. Подойдя ближе, разглядел его внимательнее. Кожи почти не осталось, она свисала с костей вместе с тем, что когда-то было одеждой. Белые кости черепа были пробиты в нескольких местах. Рядом со скелетом лежало оружие неизвестного образца. Рассел никогда не был знатоком оружия, поэтому не придавал этому значения. По крайней мере, радовало то, что скелет был человеческий. Он огляделся – везде, куда только он не направлял луч фонаря, лежали истлевшие останки, десятки человеческих скелетов в самых замысловатых позах. Повсюду было разбросано оружие разной конструкции и калибра. Что здесь произошло?!

- Марко?
- Слушаю, командир!
- Я на центральной площади. Здесь, похоже, была настоящая бойня. Много лет назад.
- Ты о чем?
- Под моими ногами десятки истлевших трупов. И, поверь мне, они умерли не своей смертью.
- Если считаешь, что там находится слишком опасно, лучше уходи сразу.
- Нет, не думаю, что теперь здесь есть чего опасаться. Продолжу поиски отсека управления.
- Удачи.

Рассел все дальше углублялся в недра станции. Теперь его не удивляли и не пугали человеческие останки. Наоборот, они даже немного успокаивали, всем своим видом показывая, что самое страшное уже позади. И не важно, как давно это было. Возможно, размышлял Рассел, мы наткнулись на секретную станцию, о которой никто даже не подозревал. Может быть, она висела на орбитах дальних планет и выполняла всевозможные миссии. Ее охраняли военные патрули, а на самой станции располагались лаборатории, где проводили сверхсекретные разработки. Но, по каким-то причинам, «Мальтийский Крест» сорвался со своей орбиты, и долгие годы дрейфовал в пространстве, пока по чистой случайности не попал в зону притяжения родной планеты. Наличие погибшего персонала станции, объясняется вспыхнувшим бунтом. Люди разделились на два лагеря и воевали за оставшийся провиант и воду.

Все это выглядело вполне логичным. Но Рассел никак не мог провести параллель между этой, так внезапно появившейся станцией-призраком, потерей связи с Землей с их стороны и исчезновением остальных орбитальных и околоорбитальных объектов. Но сейчас он не хотел об этом думать. Рассел был почти уверен, что на все свои вопросы, сможет найти ответы в бортовом журнале этой станции.

Перешагивая через останки на винтовой лестнице, ведущей в отсек управления, он поднялся на пятый уровень. Когда станция функционировала, это можно было сделать на одном из лифтов, но сейчас они не работали, застыв в своих шахтах. Из скромного визуального обзора, который мог подарить фонарь, Рассел отметил строгий военный интерьер станции. Кованные

стальные ступени, панели стен без излишеств, однотонная цветовая гамма, истлевшая одежда на трупах очень напоминала форму – все это говорило о том, что командир оказался на военном объекте.

Чем ближе Рассел подбирался к рубке, тем увереннее себя ощущал, не смотря на свои опасения его незаконного проникновения на борт военной базы. Да, тишина и кромешная тьма по-прежнему давили на его сознание. Время шло, он спешил, стараясь не отставать от него. Рассел, прежде всего как командир, думал о пассажирах, с которыми придется объясняться, когда они проснутся. Утро уже совсем скоро.

Рубка оказалась на пятом уровне, как он и предполагал. Винтовая лестница упиралась в двери, над ними висела табличка «центральный отсек управления». Рассел не мог с ним разминуться. Возле дверей лежало особенно много истлевших тел. Ему пришлось разгрести этот завал, вложив фонарь в костлявую руку одного из скелетов, чтобы была возможность работать обеими руками.

– Подержи, пожалуйста.

– Ты с кем там разговариваешь? – Голос второго пилота звучал, скорее удивленно, чем вопросительно.

– С помощником.

– Ты нашел себе нового второго пилота? – Успокоился Риццо, уловив в голосе капитана ироничные нотки и, теперь не мог упустить случая, чтобы ни сострить в адрес своего командира. – Ты стал капитаном «Мальтийского креста»? С повышением!

– Спасибо. Только повышение какое-то сомнительное – я стал капитаном станции-призрака с командой весьма сомнительного вида.

Разобрав завал, Рассел внимательно изучил вход в центральный салон. Металлические пластины дверей были изборождены множеством вмятин, скорее всего от пуль. Были и более сильные повреждения, покрытые тонким слоем гари, словно вход пытались взорвать. Тревожная мысль проникла в его голову через защитную обшивку скафандра. Что если вход в центральный отсек заблокирован?! Как тогда можно туда проникнуть и узнать, что же все-таки происходит? Или вернее, уже произошло? Слева от входа Рассел нашел раскуроченную панель, на которой, когда-то давно, находились кнопки для ввода кода. Теперь же свисали обугленные, оголенные провода с остатками оплавленной изоляции.

Он понятия не имел, как проникнуть внутрь. Может вызвать на помощь Марко? Опасности вроде бы нет. Но рисковать он все же не хотел. Кто знает, что таит в себе эта погибшая много лет назад станция.

Рассел решил проверить работу инфракрасных сенсорных датчиков, благодаря которым открываются все двери при приближении человека, если только они не закодированы. Он мало в это верил, но у него не оставалось другого выбора. Тем более что проверить это было не сложно. Когда он подошел к дверям, они резко, с шипением открылись, подняв столб вековой пыли, сквозь которую светил фонарь. Вздвогнув, он отпрыгнул назад.

– Командир, что случилось! – Испуганный голос Марко напугал капитана повторно.

– Все хорошо. Я вхожу в отсек управления.

– Не пугай меня так больше! Ты кричал как женщина увидавшая мышь!

– Не может быть. – Рассел знал, что Риццо шутит. Он всегда шутил, чтобы разрядить накалившуюся обстановку. И ему это удавалось. Рассел даже представить себе не мог, как бы добрался сюда без поддержки второго пилота.

Медленно, освещая путь перед собой сквозь тьму и оседающую пыль, он вошел в центральный отсек управления. Здесь, насколько можно было судить в скупом свете фонаря, было чисто. Не было видно останков человеческих тел, следов борьбы. Через панорамное окно мирно светили звезды. Казалось, перешагнув порог, он очутился совсем в другом мире. Возможно, так оно и было.

Первые признаки того, что станция еще жива, он увидел не сразу. Лишь подойдя вплотную к приборам и заглянув за спинку одного из кресел, капитан заметил тусклый свет, льющийся из монитора одного из компьютеров. Периодически, на нем, строкой пробежала информация о полете. Отчет системы жизнеобеспечения показывал стабильный, умеренный радиационный фон, система вентиляции отсеков и регенерации кислорода пока находилась в спящем режиме. На станции некому было дышать. Это еще раз доказывало, что он здесь один. Через небольшой промежуток, крупными буквами пробежала другая информация, вернее инструкция, которую он пока не мог понять. В ней говорилось «АКТИВИРУЙТЕ РАБОТУ ВСЕХ СИСТЕМ!» Немного левее, мигала красная кнопка, защищенная стеклянным панцирем от случайного нажатия. Под ней, такими же большими буквами было написано «АКТИВАЦИЯ».

Фрэнк Рассел погрузился в раздумья. Стоило ли нажимать на эту красную кнопку? Конечно, на кнопку самоуничтожения всей станции это не походило, но все же? Он отошел в сторону и решил изучить центральный отсек, насколько позволял фонарь. Всюлицевую часть полукруглого зала занимала аппаратура, выполнявшая всевозможные функции управления и жизнеобеспечения станции. Большое смотровое окно предоставляло прекрасный обзор работавшим здесь людям. По всей длине кресла с высокой спинкой для дежурных сотрудников. На спинке одного из таких, стоявших в центре, Рассел прочел надпись, которую не разглядел сразу – «Капитан Бейнбридж». Он подошел ближе, уже более внимательно изучая обстановку. Над черной, потрескавшейся от времени кожей, которой было обито кресло капитана, белели кости черепа. Скорее всего, его самого. Капитан разглядывал останки своего коллеги и пульт, за которым тот сидел, удивляясь, как не заметил его сразу, когда подходил к монитору в первый раз. Капитан был при полном параде, если так можно выразиться. Да, его форма истлела, но на ней еще висели ордена и медали, каким-то чудом держась за прогнившую ткань. Его фуражка лежала на полу, рядом с ним. Похоже, она слетела с головы, так как его тело было наклонено именно в эту сторону. В области виска зияла большая дыра, от нее радиально расходились крупные трещины по всей левой стороне черепа, едва прикрываемые сильно поредевшими волосами, цвет которых определить было уже невозможно. В противоположенной стороне кресла от фуражки, лежал пистолет под свесившейся рукой. Капитан Бейнбридж покончил жизнь самоубийством. Это было даже не предположение, слишком очевидная картина, даже для такого далекого от криминалистики человека, как Фрэнк Рассел.

Чтобы подробно изучить бортовые записи и выяснить, что здесь произошло, он решил переложить останки капитана на пол. Но стоило его коснуться, как тот рассыпался, разрывая хрупкими, ломающимися костями, остатки истлевшей формы. Ордена и медали глухо стукнулись о пол.

– Простите, капитан Бейнбридж. – Сказал Рассел, садясь в его кресло. – Вы должны меня понять.

Ему было неловко, он чувствовал себя вандалом, вором и мародером одновременно.

– Общаешься со своим экипажем? – Услышал он голос Риццо.

– Нет, со своим коллегой. Я сейчас пролистаю бортовой журнал, уверен, он многое объяснит.

– Ты считаешь, из бортового журнала чужой, неизвестной нам станции мы сможем узнать о себе?

– Не о себе. О том, что твориться вокруг нас. Как там наши пассажиры?

– Два человека вставали в туалет, один попросил попить. Сейчас все мирно спят. Никакого беспокойства.

– Это радует. Но времени у нас немного. До связи.

Бортовой компьютер несколько отличался от тех, с которыми Рассел привык работать. С помощью проб и ошибок, через некоторое время, ему все же удалось проникнуть в базу

данных. К счастью информация не была засекречена и заблокирована. Пока ему везло, если можно было так выразиться, учитывая положение, в котором они оказались.

Дата последней записи Рассела шокировала. Но, с другой стороны подтвердила его подозрения, которые не давали ему покоя и которыми он боялся поделиться с Марко Риццо. Это все объясняло. Почти все...

С Луны они вылетели 16 февраля 2105 года. А последняя запись капитана была датирована 4 июля 2419 года! Это означало, что облако занесло пассажирский корабль на 314 лет вперед? Рассел сам себя удивлял спокойствием, с которым так буднично размышлял о таких невероятных, фантастических, нет, просто сумасшедших вещах! Он списал это на шок.

2419 год, это последняя запись капитана Бейнбриджа. Теперь он обратился в прах. Значит, прошло еще лет сто. Может и больше, может тысяча! Рассел плохо соображал, но все же, ему удалось усилием воли, заставить себя читать эти записи, подавляя страх перед действительностью. Пусть и такой невероятной, но все же действительностью.

Сделав глубокий вдох, он набрал программу хронометра. 5 марта 2781 год. Не может быть! Нет, тут что-то не так. Возможно, сбой в работе всех систем в результате аварии! Это не могло быть правдой. Но это все объясняло! За эти, почти семьсот лет, человеческая цивилизация, скорее всего, перестала существовать. Что там внизу, под этим толстым слоем грязно-белых облаков, которые разрывают невиданные молнии? Выжженная радиационная пустыня? Разросшиеся джунгли с озверевшими людьми и домашними животными? Полуразрушенные города с мутантами? Кто из них мог ответить на запрос с Боинга об аварийной ситуации? Нет больше ни космопорта, ни диспетчерской. А от диспетчера, пьющего ароматный кофе из большой кружки, которому Рассел пообещали выйти на связь через полтора часа, не осталось даже надгробия!

Фрэнк Рассел просто решил изучить бортовой журнал, не обращая внимания на данные сбившегося хронометра. Иначе можно было сойти с ума от всех этих мыслей. Уйдя с головой в чтение журнала, он старался не думать о родных и близких, с которыми он и все, кто сейчас находится на борту его корабля, разминутись навсегда.

Первая запись датировалась 21 октября 2392 годом. Начиналась с клятвы капитана Бейнбриджа, принимавшего на себя командование станцией. Судя по содержанию данной клятвы, «Мальтийский Крест» был военной базой, а в мире бушевала очередная мировая война. Капитан клялся до последней капли крови быть верным своему вождю и стране (какой, Рассел, правда так и не понял), и быть беспощадным к врагам. В журнале отмечались состав и функции станции «Мальтийский Крест». Ее гарнизон насчитывал двести пятьдесят человек, четыре пассажирских катера, двадцать бомбардировщиков и, еще какие-то летательные аппараты военного назначения.

Хроники бортового журнала были сухи и однообразны.

«Сегодня были потеряны три бомбардировщика и два сопровождающих истребителя. Но, несмотря на потери и отчаянное сопротивление наземных противовоздушных служб, было уничтожено две трети города с мирным населением. Нанесены точечные удары по расположениям военных частей противника».

У Рассела голова шла кругом о данных военной разведки. Люди гибли миллионами с обеих сторон. Но он никак не мог понять, кто с кем, а главное, за что воевали друг с другом.

Прошло четырнадцать лет войны. Сводки с фронтов становились все более однообразными и менее впечатляющими. Иногда, в журнале были пробелы по два-три года, когда о боевых действиях не упоминалось ни слова. Вынужденное перемирие. Затем, вспыхнув на полгода, война стихла окончательно. Как писал капитан Бейнбридж, уже не осталось тех, с кем можно было продолжать войну. Но это не означало победу. Человечество уничтожило само себя. Все, что было создано за сотни лет, было стерто с лица Земли ядерными бомбами,

несшими мегатонны смертоносного заряда. Человечество доживало последние годы, окончательно вымирая от голода, последствий лучевой болезни и эпидемий.

Цивилизация людей влачила свое существование лишь на уцелевших орбитальных станциях. В этих околоземных городах жили тысячи людей. Одни штурмом брали города, другие выдерживали осады. И теперь не имело значения, на чей стороне отдельный, конкретно взятый город. Каждый был сам за себя. Так как на Земле были разрушены все заводы и фабрики, запасы топлива для работы кораблей быстро таяли, а пополнять их было неоткуда. Его едва хватало на поддержание элементарного жизнеобеспечения околоземного города. Но и это не могло продолжаться бесконечно. На орбите курсировали одинокие челноки, обменивая топливо на продукты и наоборот. Но уже вскоре и они прекратили свои полеты, вынужденные вернуться на Землю, где еще оставался шанс выжить. Началась массовая миграция оставшихся в живых людей на Землю. Они, бросая станции, никогда не бросали их на произвол судьбы. Если имелась возможность, взрывали их, но чаще срывали с орбиты, отправляя в последний полет на Землю, где те благополучно сгорали в атмосфере. До поверхности долетали незначительные, сильно оплавленные части. Это объясняло, почему на всей орбите остался только Мальтийский крест.

Люди провели в космосе большую часть своей жизни и теперь, возвращаясь на Землю, понимали, что покидают его навсегда. Это было драмой всего человечества. Сотни лет они покоряли эти просторы. Рождались легенды и мифы. Космос знал своих героев. Он щедро собирал дань, ценою в человеческие жизни, чтобы на сантиметр приоткрыть занавес своих тайн, распространявшихся на миллионы световых лет. Теперь все это в прошлом. Есть ли будущее? Кто знает.

Капитан Бейнбридж описывал, как он и верные ему солдаты напали на другие станции, добывая себе еду, оружие, боеприпасы и топливо. Есть в его записях и черный день, как он назвал очередной штурм военной базы на Земле, которая располагалась где-то в горах. Если верить его записям, а в достоверности отчета своего коллеги Рассел не сомневался, было просто глупо не верить написанному, эта база была единственным тлеющим угольком всего человечества. На ней сохранялась дисциплина, действовали элементарные законы, выжившие мужчины и женщины вступали в брак, неся продолжение рода человеческого. Это был последний город на планете Земля. При его атаке Бейнбридж потерял почти весь свой воздушный флот, так и не захватив ни кусочка провизии, ни грамма драгоценного топлива. Это был действительно черный день, с которого начался обратный отчет жизни капитана и его, оставшихся в живых солдат.

Бейнбридж был вынужден втрое урезать паек, ссылаясь на жесткую экономию. На «Мальтийском Кресте» начинаются волнения недовольного экипажа. На тот момент прекратилась война между уцелевшими станциями.

Часть гарнизона «Мальтийского Креста», с боем, вылетает на Землю, забрав с собой все имеющиеся топливо и провиант, бросив выживших, обрекая их на голодную смерть. Бейнбридж заблокировался в отсеке управления. Уцелевшие после бойни, вели ожесточенную войну за каждый, случайно уцелевший кусок хлеба. Когда закончились боеприпасы, люди воевали в рукопашную, используя ножи и вилки.

Фрэнк Рассел дошел до последней записи капитана Бейнбриджа. Было интересно наблюдать, как со временем менялся стиль его повествования. Если вначале это были сухие хроники войны, то после, содержание бортового журнала больше напоминало фантастический роман, с присущими художественному стилю оборотами. И в конце он плавно и безжалостно превратился в суицидальную записку.

«Я остался один. – Писал свои последние строки капитан. – Война закончилась несколько лет назад, но ее отголоски продолжают убивать людей. Вернее это делают ее дети, дети войны – голод, болезни. Как будто продолжая страшное дело своей матери, которая уже умерла, изжив

сама себя. Вот я пишу эти строки и думаю, кто их будет читать? Странное получается дело. Человечество сотни лет рвалось в Космос, а на краю своей гибели вновь возвращаются на Землю, покидая свои орбитальные города. Может, возродится Homo sapiens, в полном смысле этого слова и вновь вернется в этот прекрасный и суровый мир Космоса... Если вы это читаете, – обратился к Фрэнку Расселу из далекого прошлого, но для него, все равно, непостижимо далекого будущего, капитан Бейнбридж. – Значит все хорошо. Человечество снова покоряет Вселенную!

– Еще не все так хорошо. Далеко не все. – Ответил Рассел вслух капитану. – Но я надеюсь. Мы надеемся.

Как это ни странно, но второй пилот промолчал, хотя наверняка слышал, что его командир говорит вслух.

– Марко, ты не спишь?

– Нет, не до сна. Сажу и слушаю разговор капитанов.

– Как обстановка?

– Стабильная. У тебя?

– Подожди минуту, скоро сам все узнаешь.

Придерживаясь инструкции, Рассел запустил систему жизнеобеспечения станции, пробуждая ее от векового сна. Он сделал это с помощью той самой, подозрительно мигающей красной кнопки. В отсеке загорелся свет, оттеняя черные квадраты окон. Теперь капитан был уверен, что опасаться нечего, и вызвал второго пилота к себе, предупредив, что он может обойтись без скафандра. Ожидая Марко, Рассел с огромным удовольствием снял свой, сложив его в угол. Он осторожно дышал, внимательно и привередливо пробуя на вкус газ, который сотни лет не наполнял легкие человека.

Чувствуя себя немного неловко, он просмотрел содержимое шкафа, стоявшего напротив входа, искусно отделанного под слоновью кость. В нем оказались фужеры и несколько бутылок со спиртным. Их названия ничего не говорили гостю из прошлого. По запаху, который на удивление еще сохранился и, содержимое не выветрилось, Рассел определил коньяк в одной бутылке и, что-то отдаленно напоминающее виски в другой. Он позволил себе налить напиток из капитанского бара, простоявший не одну сотню лет. И поймал себя на мысли, что впервые за тридцать лет выпил на работе. А почему бы и нет!

Лицо не заставил себя долго ждать. Уже вскоре он появился в дверях, с застывшим вопросительным выражением на лице и немного разведенными в сторону руками. Даже у разговорчивого напарника не было слов.

– Присядь. – Рассел указал на кресло капитана Бейнбриджа, останки которого лежали рядом.

Так же, не произнося ни слова, Риццо указал на то, что осталось от капитана, затем указал в сторону, откуда только что пришел.

– Я видел. – Просто сказал командир. – Не стоит бояться этих людей, они не причинят тебе вреда. Присядь, прочти записи бортового журнала и все поймешь.

Произнеся это, он протянул один из фужеров напарнику. Машинально приняв бокал и сделав крупный глоток, Марко уселся в капитанское кресло и принялся изучать записи покойного капитана. Рассел, потягивая его напитки, подошел к обзорному окну, разглядывая пустынный пейзаж за окном. Было очень не привычно, пусто и одиноко. Глаза капитана привыкли к тому, что вся орбита Земли была заполнена всевозможными летательными аппаратами. Одиночество навалилось тяжким грузом. Ему казалось, еще немного и из глаз польются слезы, оплакивая космическую эру человечества, длившуюся так недолго.

– Я бы тоже застрелился. – Неожиданно произнес Марко, поворачиваясь к капитану. – Это не может быть правдой! Над нами, наверное, проводят какой-то эксперимент, чтобы проверить, как поведут себя пилоты в экстремальной ситуации, отвечающие за жизни сотен людей.

Там, в салоне, сидят не обычные пассажиры, а подготовленные люди, которые следят за каждым нашим шагом, тестируют нас, задавая все более сложные ситуационные задачи. Вот цель этого эксперимента!

Марко, упрямо отрицавший все, что только что прочел, сделал глоток из фужера, рассеянно вернув его на место. По его выразительному лицу капитан видел, что он просто не хочет верить в случившееся. Он прекрасно понимал, что его, заслуживающая внимания идея об опыте над ними, первоклассными пилотами, не выдерживала никакой критики.

Лицо смотрел на командира, и тот видел, как быстро таяла в его глазах надежда. Наверное, от того, что во взгляде Рассела он прочитал обреченность и боль. Почему-то ему было действительно больно, не за себя, а за то, что они только что узнали. Словно случайно открыли последнюю страницу увлекательной книги, читая которую были уверены, что обязательно все будет хорошо.

У пилотов было еще немного времени, и они более подробно изучили записи бортового журнала. Необходимо было принять решение. Записи капитана Бейнбриджа в этом сильно помогли.

Принять правильное решение было сложнее, чем казалось вначале. Обоим очень хотелось вернуться на Землю. Это желание было связано с тем, что они своими глазами хотели увидеть доказательства того, о чем только что прочли в бортовом журнале.

– Не будем спешить, – подытожил Рассел, – возвращаться на Землю нам пока нельзя.

– Тогда куда? – Лицо вопросительно развел руками, – назад в свое прошлое? Давай поищем это чертово облако и вернемся!

– Я и сам хотел бы его найти. Но это не машина времени, это неизученная аномалия. И я очень сомневаюсь, что мы вообще вернемся в свое время.

– Командир, ты говоришь так, потому что поверил всему увиденному. Но я до сих пор не верю, чтобы там ни писал Бейнбридж.

Второй пилот стал нервно расхаживать по отсеку управления. Рассел знал, что Риццо давно во все поверил, но не хочет себе признаваться в этом. Он был в растерянности и, командиру было искренне его жаль, как и всех, кто оказался на борту сто шесть.

– Нам надо вернуться на Землю! – заявил Риццо и сел в одно из скрипучих кресел. – Я должен все увидеть своими глазами!

– Я тоже, – согласился Рассел. – Но на Землю мы сейчас не полетим.

– Почему? – Риццо напоминал обиженного ребенка, который знал, что из-за дождя он не пойдет сегодня гулять на улицу, но все равно капризничал.

– Потому что это билет в один конец, Марко. Ты же сам все прекрасно понимаешь.

Командир подошел к креслу, в котором сидел второй пилот, развернув его к себе и, наклонившись, крепко сжал его плечи.

– Марко, дружище, возьми себя в руки! – тихо, но строго потребовал Рассел. – Мне тоже сейчас не просто. Поэтому, прошу тебя, не усложняй нашу жизнь еще больше. Один я с этим всем не справлюсь.

Выдержав паузу, Рассел похлопал своего напарника по плечу и, в который раз вернулся к бортовому компьютеру капитана Бейнбриджа. Он прочел его еще раз, от начала до конца, на этот раз вслух, наверное, для того, чтобы написанное там, еще лучше дошло до их сознания. Когда Рассел дочитал, в рубке наступило молчание. Риццо все так же сидел в кресле, облокотившись локтями о панель и спрятав лицо в ладони.

– Мы возвращаемся на Луну? – спросил он сдавленным голосом.

– Да, – ответил капитан. – Судя по записям, нам некуда будет посадить нашу птичку. Мы все разобьемся. Если по прибытию на Луну ничего не изменится, то тогда уже придется совершать аварийную посадку на местности.

– Я с тобой согласен, капитан. Мы должны проработать этот вариант. Сомневаюсь, что возле того города, о котором говорил Бейнбридж, есть космопорт, построенный как раз к нашему прилету.

– Если вообще еще существует хоть какой-то город, – добавил Рассел. – Прошло слишком много лет. Но я все равно запомнил его координаты. На всякий случай. Когда вернемся на Землю, будем придерживать этих данных.

– Как быть с пассажирами? Расскажем им правду сразу или так и будем продолжать держать их в неведении?

– Нет смысла скрывать от них всю правду. Надо рассказать им все здесь и сейчас, чтобы они могли увидеть доказательства случившегося своими глазами. Так у нас будет больше возможности заставить их поверить в это. Именно заставить – иначе никак. Другого пути нет. Мы теперь все одна команда.

– Да, одна команда, – согласился Риццо, – раз уж оказались в одной тонущей лодке.

– Нет, дружище, – не согласился со своим напарником капитан, – не в тонущей лодке. Но на ней мы попали в океан, у которого больше нет берегов. И от этого становится только страшнее.

Посоветовавшись, пилоты решили привести всех пассажиров на станцию, чтобы все объяснить. В доказательство будет необходимо предоставить записи бортового журнала любому, кто пожелает удостовериться, тем более, они понимали, что никто не поверит сразу. Небольшая экскурсия по залам и коридорам «Мальтийского Креста» будет более чем наглядным примером. Когда пассажиры поверят, не важно, как они на это отреагируют, необходимо будет объяснить причины, по которым Рассел решил сначала вернуться на Луну.

Они с Марко Риццо, вернулись на борт сто шесть, позволив себе короткий сон, который был им просто необходим. В каком бы времени они не оказались, но бессонная ночь, полная тревог и переживаний, от которых вполне можно было сойти с ума, брала свое. Командир рассказал, в общих чертах, стюардессам, в каком ужасном положении они оказались. Женщины приняли обрушившуюся на них новость мужественно. Но Рассел понимал, что это было вовсе не мужество, а элементарное неверие и отрицание услышанного.

Утром, Марко Риццо и обе стюардессы вели, по уже хорошо освещенным коридорам станции, ничего не понимающих пассажиров. Но от того, что в иллюминаторах «Мальтийского креста» загорелся свет, гостеприимства это не добавляло. Наоборот, ничего не понимающие люди видели гораздо больше, чем капитан Фрэнк Рассел, который всего пару часов назад шел здесь, продираясь сквозь крошечную темноту. И тем более, больше того, что они хотели видеть и воспринимать вообще. Рассел ожидал их в рубке капитана Бейнбриджа, решив, что так будет лучше.

Молодая особа брезгливо перешагивала через мусор, валявшийся на полу станции. Эрик Стокс, шедший вместе с доктором Стэнли, трезвый как стекло, помогал женщинам проходить мимо человеческих останков, обнимая их за плечи, поддерживая словами. Стэнли, тяжело дыша, как-то равнодушно реагировал на окружающую обстановку. Его закаленная психика была непробиваема.

Пассажиры растерянно проходили в отсек управления «Мальтийского креста», требовательно-вопросительно глядя на Фрэнка Рассела, обступая его тесным полукругом. Он стоял, облокотившись на панель управления, спиной к пустынному пейзажу за окном. Желая поддержать своего командира, рядом с ним встал Марко Риццо.

– Мне очень не хочется произносить эти холодные, леденящие душу слова, – начал капитан, не в силах поднять глаза и посмотреть на стоявших перед ним людей, словно он был виновен в происходящем.

– Но время шутливо и жестоко, – продолжил он, после небольшой паузы, – и именно мы попались в его ловушку. Нас занесло на сотни лет в будущее. Но самое страшное, самое ужасное то, что мы ничего не можем изменить.

– Что за ерунда! – Выпала молодая особа, отказываясь понимать услышанное, – зачем мы здесь? Зачем вы привели нас сюда? Тут грязно и везде валяются скелеты! А если они настоящие!

– Что за аттракцион вы нам тут устроили?! – Словно отмахиваясь от действительности, подтвердила пожилая женщина.

– Я представлю вам все доказательства, и вы сами увидите правду. Вы видели уже достаточно много, – капитан указал рукой в сторону, откуда только что пришли пассажиры. – Смириться с этой трагедией, все равно, что смириться со смертью. И это понятно. Мы сами прибывали в неведении и долго не могли понять, что происходит. Но теперь мы знаем, что произошло с нами и, не таясь перед вами, можем ответить на некоторые, интересующие вас вопросы.

Пассажиры недовольно загалдели, словно стая голодных птенцов. Они выкрикивали бранные слова, спорили друг с другом, теснее обступая капитана Рассела и второго пилота Риццо.

Трудно было сказать, что переживали стюардессы, что творилось у них в душе. Они продолжали выполнять свою работу, внимательно следя за негодующей толпой, засыпающей вопросами пилотов. Им тоже хотелось задать командиру сотню вопросов и требовать скорейшего возвращения на Землю. Но они верили Расселу, каждому его слову и считали своим долгом помочь ему в эту непростую для всех минуту и не усложнять и без того тяжелое положение.

– Получается, наш медовый месяц растянулся на семьсот лет? – с улыбкой обратился парень к своей новоиспеченной жене, обнимая ее за талию.

– И ты мне совсем не надоел за это время, – ответила девушка, поцеловав мужа. К ним еще не пришло осознание произошедшего. Страшная правда новой реальности воспринималась как увлекательное приключение, дополнительный бонус к свадебному путешествию.

– Что я вам говорил, мой дорогой друг, – перебирая пасмурные мысли, произнес доктор Стэнли. – Свет, загоревшийся в салоне, совсем не означал, что все позади и нас ждет скорое возвращение и мягкая посадка.

– Вы оказались правы.

– Увы, – вздохнул доктор. – Как мне теперь смириться с этой истинной, которой нет.

– Истина, как и временные рамки, слишком податлива на перемены, – неожиданно, даже для себя, превратившись в философа, сказал Стокс. – Так что не отвернуться от хитрого будущего и страшного настоящего, которого, по сути-то и нет.

Доктор серьезно посмотрел на Стокса, оценивая его ответ. Стоксу стало не по себе от этого взгляда. Почувствовав себя его пациентом, он поспешил добавить, словно оправдывая свою замысловатую речь.

– Это я от стресса такой разговорчивый.

– Я знаю, – просто ответил Стэнли, переводя взгляд на шокированных пассажиров.

Несчастный капитан, не успевая ответить на один вопрос, запинаясь, начинал отвечать на другой. И эта нескончаемая вереница вопросительно-восклицательных диалогов путала мысли обманутых временем, заставляя отдаться панике, забыв об отчаянии.

Фрэнк Рассел плохо помнил, что говорил стоявшим перед ним пассажирам, когда их привели в отсек управления. Сначала они смотрели на него тревожно, затем как на помешанного. Грозил подать в суд на него и на всю авиакомпанию, на что Рассел отвечал, что был бы счастлив предстать на суде, но только в свое время. Разгневанная публика решила, что он просто издевается над ними.

– Послушайте меня! – громко произнес высокий мужчина, привлекая к себе внимание. – Если верить дневнику капитана Бейнбриджа, то мир вокруг нас мертв. Но мы живы! И это сей-

час главное. Мы еще способны принимать здравые решения и воплощать их в жизнь. Давайте перестанем, наконец, паниковать и начнем действовать!

Мужчина стоял чуть в стороне от сходящих с ума пассажиров, бросая в них слова как бомбы. Но вместо смерти эти бомбы несли временное успокоение. Он был само спокойствие, подавая своим видом пример.

Доктор Стэнли продолжил атаковать толпу с другого фланга. Он разбивал зачатки паники и агрессии своими тяжеловесными ударами правильно подобранных слов. Буквально пара фраз, ничего не значащих на первый взгляд, оказывала практически гипнотическое воздействие на людей, успокаивая их. Доктор встал рядом с пилотами, защищая их и продолжая пресекать малейшие вспышки гнева на корню.

Рассел и Риццо, бесконечно благодарные доктору Стэнли, продолжили начатый разговор с немного успокоившимися людьми. Под действием фактов, они начинали верить, но все равно, до конца не осознавая случившееся. Да никто не осознавал! Это было невозможно! Разве можно поверить в такое!

Кто поверит, что его родные и близкие, друзья и соседи давно умерли. Что они перестали для них существовать как пропавшие без вести сотни лет назад. Что не осталось ничего, что связывало всех этих людей с прошлой жизнью. Любимая собачка, так жизнерадостно вилявшая хвостом, когда ты возвращался домой. Твои записи любимой музыки, фильмов, фотографии. А как теперь быть без своей футболки с логотипом любимой команды, висевшей в шкафу в спальне на втором этаже? Кого-то дома ждал пирог, приготовленный женой! А как же закусочная за углом, где я пил кофе с любимыми пончиками в обеденный перерыв!

Этого ничего нет. Уже сотни лет нет того славного песика, футболки, закусочной с ее кофе и пончиками, нет пирога. Твоя жена, возможно, вышла замуж, потому что ты пропал на орбите, так и не вернувшись. А тебе не посчастливилось пережить десятки поколений и взглянуть на все то, что осталось. Складывалось такое ощущение, что ты вышел из дома, где шел праздник, веселый и шумный, где собрались самые лучшие друзья и на столе были самые любимые блюда и напитки. Ты вышел ненадолго, но когда вернулся, дома уже никого не было. Не было и намека на праздник. Тебя никто не ждал. Про тебя не забыли, про тебя просто уже не знали.

Пассажиры вели себя по-разному. Но в основной своей массе, настоятельно требовали, немедленно вернуться домой, на Землю. Там все по-прежнему! Они были в этом уверены.

Оказалось большей сложностью убедить всех в необходимости вернуться на Луну, чем объяснить, в каком далеком будущем все они оказались. Последний вопрос занимал пассажиров меньше всего по той простой причине, что они не хотели верить в случившееся. Они боялись, что полетом на Луну разобьют хрупкую надежду на то, что все-таки это окажется ошибкой, недоразумением.

– Прошу вас, – умоляла женщина, с мокрыми от слез щеками. – Верните меня домой! Я опаздываю. У моей дочери должен сегодня родиться сын – мой первый внук. Я не могу пропустить это важное событие моей жизни!

– Боюсь, мы все опоздали на важные события нашей жизни. – Произнес доктор Стэнли, словно вынося страшный диагноз.

– Хватит! – умоляющий тон женщины перешел в требовательный. – Я не собираюсь слушать этот бред и тем более верить в него! Я оставила все свои дела и вылетела первым рейсом на Землю не для того, чтобы вернуться обратно на Луну из-за какого-то дневника! Неужели вы верите во все это? – Она обратилась к растерянным и сбитым с толку пассажирам. – А вы? – она повернулась к пилотам, – тем более должны проявлять благоразумие. Но ваши действия, по меньшей мере, выглядят странными.

– Командир Рассел, – обратился маленький мужчина в стильных очках и кейсом в руке. – Я понимаю, что вы принимаете решения и, что от меня и моего мнения тут ничего не зависит.

Но вы должны предоставить мне расписку, в которой укажите причины задержки рейса, чтобы я мог предоставить ее на работе, когда меня захотят уволить за не позволенное опоздание.

– Разумеется, – коротко и довольно холодно бросил Рассел, раздраженный упрямством пассажиров.

Рассел собрал в кулак всю свою волю, слова, силы, которые у него еще оставались и, продолжил.

– Верите вы в это или нет, на Земле нет больше аэропортов. Они разрушены и поглощены песками, буйной растительностью, затоплены... Скорее всего, нет и лунного космопорта, с которого мы вылетели. Но, как вам известно, природа Луны может хранить тысячелетия то, что оказалось на ее поверхности. Если на нашем спутнике останется хоть что-то, не разрушенное человеком, у нас будет шанс. Капитан Бейнбридж, пусть и вскользь, упоминал, что Луны война практически не коснулась. Как только она началась, люди в панике бежали на Землю, бросив все, понимая, что в искусственном мире, как бы он ни был хорош, им не выжить.

Я не знаю, куда буду сажать наш корабль, и посажу ли его вообще. Простите мне мою прямоту, но я должен быть с вами откровенным до конца. И знайте, в любом случае мы вернемся на Землю, это я вам обещаю. Но мы должны вернуться еще раз на Луну. Время забросило нас так далеко вперед, что мы вынуждены, подготовиться к возвращению на родную планету. Я не могу, не имею права возвращаться на Землю, ничего не имея в запасе. Поймите, запасы воды и продуктов сильно ограничены. Да, их на борту в избытке. Но это из расчета десятичасового перелета. У нас нет вещей, обуви, палаток, рюкзаков, консервов, оружия, веревок. Все это и многое другое будет нам жизненно необходимо в том диком мире, в который, со слов Бейнбриджа, превратилась Земля. Но поверьте, я, как и вы, все равно хочу вернуться.

Не знаю, что даст нам Луна и ее города, но мы должны попробовать. Топлива и кислорода нам хватит с запасом, за это вам переживать не стоит.

Воцарилась тишина. Стены отсека управления «Мальтийского Креста» были к ней привычны. Люди переваривали услышанное. Особенности полета и нюансы приземления их мало интересовали. Им было важно вернуться, пусть не на Землю, так хотя бы на Луну, к цивилизации, чтобы не скитаться по орбите, бродя по станции призраку с кучей мертвецов.

Видя, что все уже сказано и больше не осталось вопросов, Рассел, нарушая молчание, попросил всех вернуться на борт. Доктор Стэнли, тоже было направился вместе со всеми, но командир незаметно удержал его за рукав пиджака.

– Вы знаете и прекрасно понимаете, как мы благодарны вам, доктор Стэнли, – сказал Рассел. – Мы ваши должники.

– И вы прекрасно понимаете, – улыбнулся доктор, отвечая командиру Боинга, – что слова благодарности здесь не уместны. И вообще, я считаю, на сегодня хватит разговоров. Вам необходимо отдохнуть. Мы все в руках судьбы, но не забывайте, командир, что и в ваших тоже.

И Стэнли тяжелой походкой отправился за остальными.

Стюардессы проводили ошарашенных пассажиров на корабль. Рассел с Марко остались, решив с почестями похоронить останки капитана Бейнбриджа и его отряд. Это была непростая задача, собирать рассыпающиеся кости по всей станции, но работа отвлекала от той реальности, в которой они оказались. И это оказалось гораздо проще, нежели отбиваться от несчастных пассажиров.

Только упав в свое командирское кресло, Фрэнк Рассел понял, как бы странно это не было, что безумно устал и проголодался. Возможно, он чувствовал облегчение, от того, что все прояснилось. Что будет дальше, он не хотел об этом думать и не мог. Уже не было сил.

Лицо было удивительно молчаливо и задумчиво. Создавалось ощущение, что мир вокруг него перестал существовать. Впрочем, так оно и было. Немного переведя дух, командир бодро поднялся с кресла и отправился к стюардессам, желая дать кое-какие указания. Вернувшись, он обратился по внутренней связи к пассажирам.

– Вас приветствует командир Боинга, Фрэнк Рассел. Во время полета на Луну, который займет около девяти часов, вам будут предоставлены деликатесы из наших запасов. С меню можете ознакомиться у наших очаровательных стюардесс. За причиненные неудобства, за счет нашей авиакомпании, всем шампанское. Желающие употребить более крепкие напитки, пожалуйста, оповестите стюардесс заранее о вашем выборе. Желаю приятного полета.

Марко встретил распоряжение командира с улыбкой. Ему понравилась идея угостить пассажиров шампанским и деликатесами за счет авиакомпании.

– Я так понимаю, – продолжая улыбаться, сказал он, – Ты теперь генеральный директор всей компании «Боинг».

– Да. О таком высоком посту я и не мечтал. – Ответил Рассел. – Уж лучше бы остался простым пенсионером.

– Зато теперь можешь угощать шампанским!

Немного помолчав, Риццо мягко добавил.

– Вот только со временем полета ты немного погорячился.

Фрэнк Рассел повернулся ко второму пилоту, не понимая, к чему он клонит. Видя некоторую растерянность командира, Риццо пояснил.

– Знаешь, иногда полеты растягиваются на столетия, – многозначительно произнес он и занялся вводом координат космопорта имени Армстронга, в систему навигации. Рассел медленно увел корабль от «Мальтийского Креста» оставляя его на орбите, взяв курс на Луну. Еще один перелет через пространство в обратном направлении. Что нас там ждет? Что стало с лунной столицей? Встретим ли мы выживших людей? Задавался очередными вопросами Фрэнк Рассел. Время покажет, ответил он сам себе и улыбнулся. Время покажет.

Часть 2

Холодная, красивая, своеобразная, гипнотическая. Луна оставалась независимой несмотря ни на что. Она всегда была рядом с Землей, с ее всевозможными формами жизни, оставаясь при этом недоступной, холодно взирающей с небес на суету. Вот и сейчас, она так же одиноко вращалась вокруг Земли, совершенно не помня, что когда-то давно, по человеческим меркам, на ней жили люди. Она же, совсем не обратила внимания на это долисекундное явление.

Рассел видел ее сейчас именно такой, не признающей полутеней, принимающей только черное и белое, первобытной, полной загадок, страхов и тайн, заставляющих трепетать сердце. Он впервые посмотрел на нее глазами человека, только мечтавшего о том, чтобы побывать на ней, и знал, с каким трудом человечеству дался этот шаг. Но для него это было работой. Любимой работой. И за обыденностью дней, Фрэнк Рассел понял, что потерял это чувство трепета и восхищения, магия уступила место холодным расчетам, бесцветным траекториям и мощным движкам. Сейчас волшебство вернулось и отражалось в его глазах вместе с приближающейся Луной. Волшебство настоящей сказки, злой сказки, с неизвестным и, скорее всего с несчастливым концом.

Боинг 2101 вышел на второй виток вокруг Луны. Он одиноко скользил по самой низкой орбите, вместе с космическим мусором. Пилоты жадно всматривались на поступающие, обработанные компьютером данные, но он сообщал им не более того, что они видели своими глазами. Крупные и мелкие обломки, которые когда-то давно были частью орбитальных станций и кораблей, сверкали металлом, прятались в тени, сталкивались между собой, разлетаясь в космос или наоборот, падая на поверхность Луны, оставляя на ней очередной кратер. И ни одной уцелевшей станции, которые надеялся обнаружить Рассел.

В этой мрачной картине были и более ужасные мазки. Через увеличенное изображение на мониторе можно было разглядеть давно погибших людей, нашедших свое последнее при-

станции среди обломков своих кораблей. Они вращались по орбите, выделявая замысловатые кульбиты или плавно и ровно плывя, удерживаемые гравитационным полем Луны. Большинство из них было без скафандров, но встречались и такие, кто успел облачиться в защитную оболочку, покидая корабль, но, так и не сумев спастись. По орбите плавали разбитые шлемы, обугленные скафандры и их части. Оставалось только гадать, были ли в них человеческие останки.

Пилоты своими глазами видели подтверждения слов капитана Бейнбриджа, которому верили и без этих доказательств. Фрэнк Рассел знал, что пассажиры не смогут разглядеть этих страшных деталей давно прошедшей войны из-за большого расстояния, хотя иллюминаторы у них были открыты с момента отстыковки от Мальтийского креста. Но от этого не уйти. Через считанные минуты корабль пойдет на посадку. Что там, на поверхности, под полуразрушенными куполами станций и космопортов, никто не знал. Но командир и второй пилот видели достаточно много на орбите, чтобы быть готовым ко всему.

К большому удивлению, при подробном рассмотрении места посадки, выяснилось, что космопорт имени Армстронга все еще существует. Он кардинально изменился с момента вылета борта сто шесть, но стоял на своем месте, не имея, на первый взгляд серьезных повреждений, как самого здания, так и взлетно-посадочной полосы. Время, как будто специально, сохранило его для гостей из далекого прошлого, словно желая познакомить их поближе с настоящим.

Немаловажным фактором стало то, что космопорт Этона находился на той части Луны, где был еще день. До захода Солнца оставалось чуть более трех суток, которых должно было хватить экипажу Боинга на беглый осмотр в поисках, возможно сохранившихся источников энергии. С наступлением двухнедельной ночи, когда это полушарие Луны погрузится в крошечную темноту, посадка и взлет будут невозможными из-за элементарного отсутствия искусственного освещения взлетно-посадочной полосы. Но были и другие варианты. Еще три крупных космопорта, относящиеся к лунным мегаполисам оставались на дневной стороне и так же, имели незначительные повреждения. Но Рассел решил совершить посадку именно в космопорту Армстронга, принадлежащего мегаполису Этон. Это было более привычно для них самих, не смотря на то, что за пройденные столетия там могло измениться решительно все. И уже не имело, в этом случае, никакого значения, где именно совершать посадку. Но моральный аспект в этих размышлениях сыграл ключевую роль.

– Незначительные повреждения все-таки имеются, – Марко Риццо внимательно следил за данными компьютера, сканировавшему взлетно-посадочную полосу. – В наше время нам бы на такую площадку сесть не дали.

– Компьютер сейчас начнет ворчать, ему такое положение вещей не понравится, – заявил Рассел. – На полосе слишком много посторонних предметов.

– Пассажиры к посадке готовы, – сообщила вошедшая в отсек управления Ариана. – Надеюсь, вы тоже.

Оба пилота, как по команде, повернулись к ней, оторвавшись от созерцания полосы.

– Вот и молодцы, – продолжила стюардесса, не дожидаясь ответа. – Мы будем у себя.

Она исчезла, так же, как и появилась. Может быть, при других обстоятельствах, никто из пилотов не обратил бы внимания на то, как Ариана сострила в их адрес. Но не сейчас. В любом случае посадка объявлена аварийной.

Оба пилота еще секунду молчали, после ухода стюардессы, все так же повернувшись в ее сторону, пока Марко Риццо не задал вопрос.

– Ее что, доктор Стэнли научил так с нами разговаривать?

– Конечно! – Фрэнк Рассел улыбался, – сразу виден его стиль – говорить разные глупости, оказывающие неожиданный эффект. Напомни мне, пожалуйста, спросить об этом у Арианы, как только мы приземлимся.

– Можно спросить напрямую у доктора, – предложил Риццо.

– Нет, – командир сразу отмел это предложение, – он ничего не скажет, сославшись на врачебную тайну!

Неожиданно для себя, Рассел отметил, когда пошел на резкое снижение, что у него хорошее настроение, не смотря ни на что. Больше ни его, ни второго пилота не отвлекали посторонние мысли. Они совершали посадку так, как делали это сотни раз, забыв на этот момент, что они первые люди на Луне, спустя столетия.

Компьютер возмущенно сигнализировал об опасности, указывая на посторонние предметы на полосе и невозможность ее эксплуатации. Риццо анализировал ежесекундно поступающие данные.

– На полосе всякий хлам, – второй пилот докладывал обстановку командиру, выполняя роль штурмана. – Будь внимателен, в районе пятидесят седьмого сектора полосы крупный объект, представляет опасность. Возможно часть ракеты. Небольшие трещины в тридцать девятом и сорок седьмом секторах. Возможно, это повреждения от мелких метеоритов. Не исключаю применения экстренного торможения – последние три сектора полностью уничтожены. Или взрывом ракеты или попаданием более крупного метеорита.

– Скорее всего, это от метеорита, – бросив мимолетный взгляд на монитор, пояснил Рассел. – Характер и масштаб повреждения свойственен прямому попаданию осколка размером с кулак.

– Но нельзя исключать, что это могли быть более крупные элементы, например сорвавшийся с орбиты мусор.

– Нет. Классический метеорит, размером с кулак, – стоял на своем командир. – Я столько раз сажал корабли на разбитые метеоритными потоками полосы, что на глаз определяю, чья это работа. Самый тяжелый случай был на Титане. Более шестидесяти процентов секторов было разбито, по каким-то причинам система «Экран» не сработала. Вот тогда мне было действительно тяжело. Я совершал посадку с исследователями и дорогим оборудованием на борту.

– И чем все закончилось? – Риццо был заинтригован. Командир редко рассказывал о своих приключениях.

– Мы вылетели с полосы и врезались в ограждение. Но все были живы. Я рисковал, снизив скорость до возможного минимума, когда подходил к полосе уже на излете, едва до нее дотянув. Но риск оправдался. Заведомо низкая посадочная скорость не привела к катастрофическим последствиям. А здесь, – Рассел указал рукой на монитор, – легкая разминка, возможность тряхнуть стариной!

Командир тряхнул стариной. Virtuозность его маневров завораживала. Птичка была не большой но, и не настолько маленькой, что с такой задачей мог бы справиться новичок. Тем более технические характеристики Боинг 2101 не предусматривали возможности вертикальной посадки. Риццо, следивший за обстановкой, задавался вопросом, смог бы он так же посадить машину такого типа на аварийной полосе.

Боинг 2101 недолго скользил над поврежденными секторами взлетно-посадочной полосы. Шасси мягко коснулись поверхности, проскакивая мелкие неровности и трещины. Рассел сразу врубил реверс, отчего пилотов и пассажиров вжало в ремни безопасности. Скорость заметно упала, что позволило легко уйти от столкновения с грудой металлолома в секторе пятьдесят семь, о которой информировал Риццо. И задолго до разрушенного участка полосы, машина плавно остановилась, так как на Луне Боинг весил в шесть раз легче, что значительно укорачивало тормозной путь. На Земле это было сделать сложнее.

Выйдя на рулежку, командир подогнал машину к центральному терминалу космопорта.

– Обесточь все двигатели, – распорядился он. – Второстепенные, дублирующие системы, все должно быть отключено.

Риццо сделал все, что говорил командир. Он знал, что сейчас дорог каждый грамм топлива и энергии.

За обзорным окном открывался унылый вид на полуразрушенный космопорт. Было видно, что за прошедшие века он не раз подвергался метеоритной бомбежке. Практически все окна были разбиты, осколки стекол блестели в ярком лунном дне, купол, не защищаемый более «Экраном», был поврежден в нескольких местах.

– Мы превратились в космических скитальцев, – глядя на открывающийся вид, проговорил Рассел. – Нам теперь не стоит бояться призраков, мы сами, как неприкаянные души.

– Ты меня успокоил командир, – не замедлил отреагировать второй пилот. – Перед разведкой по давно заброшенному городу, твои слова придали мне уверенности и бесстрашия!

Рассел вопросительно посмотрел на своего напарника. Перехватив его взгляд, Риццо торжественно заявил.

– Теперь мой черед бродить по страшным, темным коридорам, спотыкаясь о рассыпающиеся кости. И даже не пытайся! – Второй пилот остановил едва сорвавшееся возражение командира, подняв руку вверх. – Приказа я тоже ослушаюсь.

Немного помолчав, Марко Риццо продолжил разговор, на этот раз уже серьезно.

– Командир, ты очень рисковал, когда в одиночку ушел осматривать Мальтийский крест. Мы даже не представляли, что происходит. Теперь, когда ситуация прояснилась, мы оба понимаем, что опасности больше нет. Потому что нет людей, от которых она исходила. Мы с тобой уже год работаем бок обок, не знаю много это или мало, но для меня оказалось вполне достаточно, чтобы понять, кто сидит слева от меня. Смелый и справедливый, настоящий капитан, рискующий собой ради спасения экипажа и судна. И мне выпала огромная честь, быть твоим напарником. Это говорит о том, что одиночные полеты остались в далеком прошлом. – Риццо замялся, осознав, что сейчас сказал. Прошлого Рассела было гораздо дальше, чем можно было себе представить. Затем продолжил. – Теперь у тебя есть напарник. Да, я второй пилот но, все равно мы на равных условиях. И это не значит, что тебя пора списывать. Командир Рассел, было бы очень несправедливо поступить со мной так, снова оставив здесь. Настал мой черед и с этим надо смириться.

Командир облокотился локтями о штурвал. Он признавал правоту слов Риццо и, понимал, что сильно обидит его, если поступит так же, как в случае с Мальтийским крестом. Придется подавить в себе эгоизм капитана, готового в одиночку противостоять всем, кто только попытается причинить вред экипажу и пассажирам. Бывают ситуации, когда просто необходимо принять помощь, размышлял Рассел. Черт возьми! Романтика одиночных полетов в прошлом. Мы один экипаж. Теперь и пассажиры часть экипажа, раз так угодно судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.